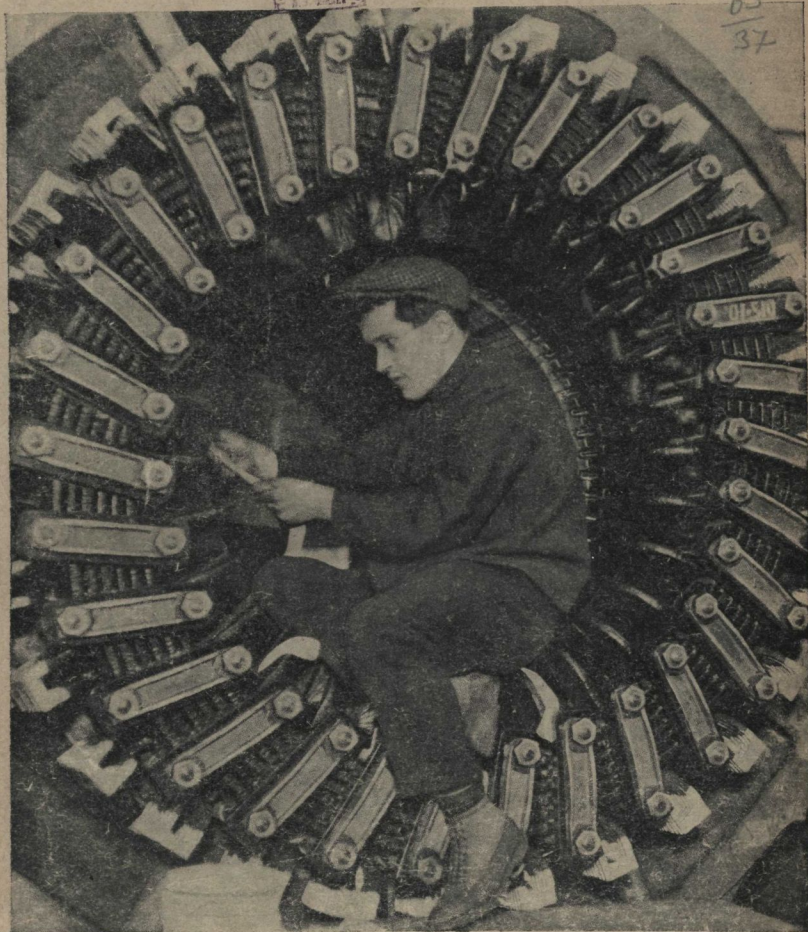

№ 1—1929

Цена 10 коп.

С М Е Н А

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ СССР

Монтаж мощного генератора для Днепростроя

Издательство „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

БОРИС ГОРБАТОВ.—Ивачка. Повесть. (Новинка пролетарской литературы). Изд-во «Московский Рабочий». М.-Л. Стр. 189. Ц. 1 р. 25 к. Александр Ивачка. Одна страница истории комсомольского быта». Изд-во «Молодая Гвардия». М.-Л. 1929 год. Стр. 143.

Повесть Бориса Горбатова стоит на грани между художественным произведением и широким описательным очерком. В ней еще слишком свежи следы безыскусного фотографирования действительности, чтобы ей можно было присвоить точное наименование литературного жанра.

Горбатов vuol задать жизни и, почти не переставая фигур, не провадиза «творческого напизина» над действительностью, как мемуарист, описывая события и анализируя их в строгой хронологической последовательности. Получилось прозаичное шепное и любовное по отношению к отжившим временам, но недостаточное ириво по оформлению.

«Жизнь комсомольского коллектива в одном из рудничных поселков Донбасса — тема «Ивачки» Горбатова. Водительный персонал настроений «военного коммунизма», связанных с представлением, что будто именно с замырянием тревожно-бегового тема гражданской войны является наиболее интересной, и стала серой, — и переход к новому темпу жизни, к новым методам работы, и усервно пафоса «будней», поворот к строительству — все это является лейтмотивом в «Ивачке». И наконец разнообразие жанров: комсомольских типов, умение автору показывать живых комсомольцев, сочетая в каждом образе и личные и типичные черты, — наиболее оптимное достоинство произведения Горбатова.

... Вот мирное и благополучное существование Ивачки, пережитая жизнь охарактеризована: Ивачка кризис, нарушается кельм улом событий: забастовка козоголов предвзывает Ивачке бекель на доверие беспартийной молодежи; убийство комсомольцев оставляет от смерти беспартийной девушки Анноты, обманутой и изнасилованной комсомольцем Петром Болондреном, рождает авторитет Ивачки в глазах работников поселка. Наконец сама организация потрясена изнутри организованностью группой ликвидаторов.

Все эти прозаичности как бы следуют в темп жизни Ивачки, коллектива, и читатель, как с большим любопытством ждет, какими путями в настроениях коллектива побеждает Молодое и творческое начало.

Зачисленные Горбатовым типы отличны друг от друга не только личными особенностями, они как бы предвещают-стелуют собою разные возрастные и социальные прослойки Ивачки: молодежь, Отличам наиболее удавшиеся автору и значительные из них.

Вратья Болондрено — Максим, секретарь Ивачки, прошедший большую школу, — завывающий в крепкого партиянка; Петр — завынявший в «боевых настроениях», скатившийся к худшанству и гибнущий физически; Каменев — комсомолец более позднего «привычка», ему кажется, что сам он еще не настоящий комсомолец, что он еще не проверен бойми; Деленин — в другой форме, чем разбужившийся Петр, переживающий сомнения и тоску и наконец совсем новый человек — Гайдан и Стенька Пугач.

Четко и внутренне дифференцировано изображена в «Ивачке» группа ликвидаторов, названных автором «журналистами». Делно то, что стилизация «журналистского» Горбатова сумел рассмотреть различие и проследить характерные переживания каждого из участников в ней.

«Ивачку» мы бесспорно рекомендуем читателям, в ней достаточно много приметательных черт, чтобы она заинтересовала читателя. Однако автору, владеющему вероятно богатым запасом фактлов, бы одной группе Горбатова сумел рассмотреть различие и проследить характерные переживания каждого из участников в ней. Усвоенные им приемы изображенности односторонны.

Очерки Ивачка тематически выстроит спорные, трудные вопросы нашего быта. Извездий из 4 очерков сборника построены вокруг какой-нибудь «проблемы» личного быта комсомольца или комсомольской общности: «Смысл и свобода работы», — «Поведение между словами и поступками», — «Поведение и название комсомольца» и наконец «Спителити».

Подобная образная подача спорных бытовых вопросов и попытки разрешить или хотя бы направить на разрешение имеет большой положительный смысл. Читатель нуждается в такой помощи со стороны литератора.

Однако нельзя не возразить против того, что это делает Ивачка. Обнаженная нарочитость построения его очерков, схематизм и искусственность создаваемых им образов — то первое, обо что ударится читатель, прежде чем углубиться в чтение Ивачки.

Так, пытаясь показать выдержанного комсомольца (Сергей — в очерке «Одна страница»), Ивачка не только приписывает ему за то процентов революционной биографии — его герой и судьбо-то образ (он — «незаконопророчденный») и еще в детские годы потерял за проламания, и фотографировался-то он и т. п. («в такие» между былыми и новыми, где он живет, не комната, а «стипендиария» и ли. (Все эти биографические факты, как кубики, легко складываются, но не менее легко и распадаются); но и любить своего героя Ивачка не может, а так как герой «выдержанного» даже азылая перр и его возлюбленная склоняют свои головы «на Маркса и Кавтского» (4).

Ирра же в таком надув приваляных героев, как только его задает, какому-либо «благостной» вопрос: «ку умею и разбираться?» «всегда все знаю и четко... А тут с быгом эти», «вот так и любить своего героя Ивачка не может, а так как герой «выдержанного» даже азылая перр и его возлюбленная склоняют свои головы «на Маркса и Кавтского» (4).

Для такого комсомольца, поставленного автором на ходули, жизнь превращается в сплошной «битовой» вопрос. Это расхолаживает читателя, оставляя у него чувство недоумения и неудовлетворенности.

Ирра же в таком надув приваляных героев, как только его задает, какому-либо «благостной» вопрос: «ку умею и разбираться?» «всегда все знаю и четко... А тут с быгом эти», «вот так и любить своего героя Ивачка не может, а так как герой «выдержанного» даже азылая перр и его возлюбленная склоняют свои головы «на Маркса и Кавтского» (4).

Борис Лушин.

Помещая рецензию на роман А. Белзева «Человек-амфибия», мы просим читателей, знакомых с этим произведением или пожелавших ознакомиться, сообщить свое мнение по вопросам, затронутым рецензией.

«Человек-амфибия» — роман А. БЕЛЗЕВА. 200. ЗИФ. 1928 г. Цена 1 р. 50 к. **ОТКУДА** идет угроза капитализму? Угроза идет оттуда, где в действительности и в идеологии господствует не только и не столько и не власть — а крошь и еще и власть... Пролетариат достигал бы и хотел одинаковых прав и равного места в жизни. Рабочие и «свиретные» не хотят довольствоваться положением, в котором они оказались.

Как же капиталистам набиваться до угрожающей конкуренции пролетариата и шестидесятилетия в колониях, рас? Генеральный профессор Сальватор говорит: «Природа не создала желательных нам физических различий между нами и им? Мы знаем же их сами!»

Он предвещает иррадным карманам правое на теле: отныне асылае индийцы будут нуждаться в порочной одежде. И остаются дикарями на вечные времена в дит голюе. Они для этого приваляंच्या быт Профессор изредит мыльши трудящихся, чтобы лишить их на всю жизнь возможность переменить профессию. Он вместе с крошькими промышленниками жемучку метает, метает володаря, телескопические линзы, иррамы акулы, чтобы можно было всплоаывать володаря 24 часа; чтобы их вовсе не пускать на поверхность моря! Пусть работа на капитализма человека-рыбы.

Так же, как мы создаем новые сорта фруктов, новые породы полезных животных, так же нужно создать новую породу рабочих, которых будут почти атрофированы мозги и ваво в высшей степени развит специальный мускул для одной профессии...

Варуе такому рабочему революция? Все равно он не может делать ничего, кроме того, чего он приспособлен от рождения! Фамилии замешивают, токарей, столяров, которые будут такими фамилиями, как фамилии холмогоровского корня, норкирских свинок и т. п. Володаря-рыба никогда не сможет жить на воде!

Варуе воображает смехотворную карьеру как революционер может присутствовать в орудии судом только, в бочке с морской водой. Хороси коммунисты, человек с студентом!

Пусть об этом мечтает профессор Сальватор и вел буржуазия мира, пусть они мечтают стать высшими существами посредством хирургического превращения пролетариата в высшие существа, — но зачем об этом мечтает советскому писателю Белзеву? И зачем нам мечтать и читать целые романы об этих чуждых мечтах?

Тем хуже, если роман увлекателен. Ф. И.

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ

на «СМЕНУ»

и приложениях:

Журнал «СМЕНА»: 1 год — 2 р., 6 мес. — 1 р. 05 к., 3 мес. — 55 к.

Журнал-газета «НА СУШЕ и НА МОРЕ»: 1 год — 1 р. 45 к., 6 мес. — 75 к., 3 мес. — 40 коп.

Небольшое «ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСОВ» (6 вкл.) — 35 коп. все книги.

«БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ и КРАЕВЕДЕНИЯ» (6 вкл.) — 3 р. все книги.

Требуй своих уполномоченных по летата подробные

КАЖДЫЙ ЧИТАТЕЛЬ МОЖЕТ ПОЛУЧИТЬ ЕНУ СОВЕРШЕННО БЕСПЛАНО

Для этого необходимо собрать подписку на 10 экземпляров.

Список завербованных подписчиков с точным указанием имен, фамилий, адресов, сроков подписки и указаниям тех приложений, которые желает получить подписчик, посылается распространителем по адресу: Москва, Новая пл., д. 6/8, изд-во «Молодая Гвардия». Одновременно с этим по почте посылается переводом собранная сумма подписки по списку.

Кроме того среди распространителей журнала в 1929 году будут разыграны ценные премии на сумму 500 руб. В розыгрыше премий примут участие все читатели, собравшие не менее пяти подписок. Между распространителями, собравшими наибольшее количество подписок, будут разыграны особые премии для лучших распространителей. Если распространитель собрал более 10 экземпляров подписки, то он имеет право получить на 15% общей суммы собранной им подписки больше.

ТОВАРИЩ, БУДЬ АКТИВНЕЕ

Принимая участие в податии тиража своего журнала, вы участвуете в податии культурного уровня твоих товарищей.

Помни, что через увеличение тиражи мы увеличим и удешевим наш журнал.

В январе и феврале мы говори своим товарищам: «Здравствуй!» и приглашаем Ты подписывайся. Совет

С М Е Н А

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ ЦК «МЛ ВЛКСМ»

ЛИБНЕХТ—НАШЕ ЗНАМЯ

И. ИПОЛИТ

нии и поддержке союзов молодежи. Съезд дружно отклоняет предложение Либнехта. «Заниматься политикой — не дело молодежи», — так уже в то время рассуждали реформисты. Вот что писал по этому поводу один из меньшевистских вождей:

«То, что может сделать социалистическая партия для воспитания молодежи, ограничивается выступлением за лучшую школу.

Политика и политическая экономия не принадлежат к вопросам, которыми должна заниматься молодежь. Молодежь должна находиться в профшколах, ремесленных школах, культурных обществах, а также в организациях, проводящих эстетическое и физическое воспитание молодежи...

Всякая политическая тенденция среди молодежи представляет собою ненужное зло.

Такие взгляды разделялись почти всей верхушкой партийной и профсоюзной организаций. Один из профсоюзных вождей, Роберт Шмидт, бывший недавно министром труда, открыто советовал рабочему подростку: «чем вносить 10 пеннигов (5 коп.) в союз молодежи, купи себе лучше кусок колбасы — это для тебя здоровее».

С такого рода взглядами Либнехт вместе с Розой Люксембург, Кларой Цеткин и другими левыми ведет жестокую

Красные фронтовики у могилы коммунаров на Фридрихсфельде в Берлине. Здесь похоронен и Либнехт

борьбу. На мангеймском партсъезде (1906 г.) ему удалось добиться включения в резолюцию особого пункта, где с.д. партия прямо признавала союзы молодежи:

«Съезд приветствует наблюдающееся везде пробуждение пролетарской молодежи и ее стремление к самостоятельной организационной деятельности. Съезд призывает членов партии везде, где это допускает устав, содействовать созданию и дальнейшему развитию организаций молодежи.

По тем временам это робкое признание было уже большой победой. Вместе с тем, союзы рабочей молодежи Германии насчитывали около шести тысяч человек, и Либнехт считал это большим достижением. Сегодня Германский комсомол один объединял в своих рядах свыше двадцати тысяч членов, и столько же организовано в союзе «Красный юнгфронт», находящийся под влиянием комсомола. Почти полсотни тысяч, почти в десять раз больше, чем тогда, — а ведь это только начало подлинного втягивания молодежи. Как бы радовался Либнехт, если бы был с нами!

«Через поражения и победы» — планкт художника Гемфеля, выпущенный Германской коммунистической партией в память Карла Либнехта и Розы Люксембург

15 ЯНВАРЯ бесстрастный календарь отмечает в десятый раз незабываемый день, когда пламенное сердце Карла Либнехта перестало биться.

Трудящиеся земного шара, в первых рядах которых стоит пролетарская молодежь, молчаливо обнимают головы перед его памятью.

Молодежь Советского Союза должна в этот день оглянуться на пройденный Либнехтом путь и дать слово идти по этому пути до конца.

★

Чем был Либнехт для международного юношеского движения?

Можно было бы написать целую книгу — и она будет захватывающе интересной! — для ответа на этот вопрос... В этой статье мы только вкратце, в самых общих чертах сможем показать роль Либнехта в истории мирового комсомола.

Деятельность Либнехта протекала в Германии, стране, обладавшей сильнейшей в мире социал-демократической партией, Отец Либнехта — Вильгельм Либнехт — был одним из ее создателей и вождей. В ней же начал работать и Карл, быстро выдвинувшийся на передовую линию. В лице Карла Либнехта зарождалось движение пролетарской молодежи Германии наряду с вернейшим другом и защитником.

В 1904 году Либнехт впервые вносит на съезд германской социал-демократии предложение о созда-

Либнехт-солдат (третий слева) на земляных работах

К. Либкнехт (второй слева), мобилизованный в армию в годы империалистической войны

весь пропитан революционным духом; в нем звучат боевые ноты тех речей, с которыми Либкнехт вместе с Лениным и Р. Люксембург выступил по этому вопросу против реформистов на только что закрывшемся Штутгартском конгрессе II Интернационала. Через несколько месяцев ему придется сидеть в тюрьму за высказываемые здесь мысли.

Либкнехт избирается в бюро Интернационала молодежи, но полугодовичное заключение в крепости, а затем партийные и парламентские дела не позволяют ему принять близкого участия в работе бюро. Однако даже парламентские занятия Либкнехта небезразличны для юношества.

Он систематически, не пропуская ни одного случая, ни одной возможности, — это-то и стоило ему полутора лет крепости, — борется против милитаризма. Но кого крепче всех давит милитаристская машина? Конечно молодежь. Именно молодежь приносится в жертву кровавому чудовищу войны. Именно за счет молодежи пополняется армия в мирное время, — а что такое прусская армия и как она качечит молодые души — Либкнехт хорошо знал по собственному опыту: он сам носил в свое время солдатский мундир.

Другой вопрос, который он постоянно разрабатывал и по которому неоднократно выступал в рейхстаге, — был школьный вопрос. Неметская школа, с ее монархически-милитаристски-христианейшим направлением, коверкала ребенка может быть не меньше, чем солдатчина — юношу.

«Обучение в школе, — говорил Либкнехт, — является в настоящее время безопасным, если не вредным, раз оно противоположно своему назначению, т.-е. выработке в ребенке духа и характера».

Какая еврейская школа и кайзерская армия были злейшими врагами рабочей молодежи и против них всегда боролся лучший друг молодежи — Либкнехт. И сейчас рабочая молодежь Германии и Японии, Франции и Китая, Америки и Африки ведет упорную, повседневную борьбу с подготовкой новой международной войны, с подготовкой интервенции против Советского Союза — по чьим, если не Либкнехта, заветам?

★

Война и революция были решающим испытанием для партий и для людей. Проваленная германская социал-демократия оказалась дряблой и покорной служанкой империализма, так же впрочем, как и социал-демократия других стран. А из маленькой кучки «безумцев», подымавших знамя «война войне», выросла непобедимая когорта Коммунистического интернационала:

Так тяжкий млат,
Дрябь стекло, кует булат.

Пройдя горнило войны и революции, Либкнехт вошел в историю «железным Карлом».

Второго декабря 1914 года Либкнехт единственный из 110 социал-демократиче-

ских депутатов рейхстага имеет мужество поднять руку против кредитов на ведение войны.

В рейхстаге Либкнехт — один против всех, даже его партия, которой он отдал молодость и силы, от него отвернулся. Но за стенами рейхстага Либкнехт не один. С ним — седой Меринг, «Красная Роза» и те тысячи «малышеских», с которыми не устал «возвращаться» Либкнехт и на которых с нескрываемым презрением смотрели партийные чиновники.

Когда рабочий Интернационал разбилс я вдребезги, когда казалось все живое в пролетарском движении замолкло, Либкнехт вместе с «малышками» доказывал миру, что дух революции не умер. Появился «Интернационал молодежи», первый номер которого редактировал Либкнехт. «Интернационал молодежи» быстро становится голосом лучшей части международных революционеров. В нем участвуют Ленин, Либкнехт, Бухарин, Троцкий, Зиновьев, Хегланд, Роланд-Гольст, Раппопорт и др.

В разгаре войны Либкнехт ухитряется провести иенскую конференцию, которая положила начало обединению революционных групп немецкой молодежи.

Среди рабочей молодежи, которую он смело повел на первомайскую демонстрацию, Либкнехта застает новый арест.

Сидя в заключении, Либкнехт снова и снова возвращается мысленно к молодежи. «Мне хотелось бы, — пишет он из Лукауской тюрьмы, — обратить внимание на молодежь, которую никогда не следует забывать, снабжая ее хорошими книгами, в особенности теперь. Надо подумать об этом серьезно, — все вы знаете, как меня занимает этот вопрос. Именно к нему возвращаются то и дело мои мысли теперь, когда я снова могу погрузиться в чтение книг, хотя бы только урывками, на четверть часа».

Ноябрьская революция разбивает двери тюрьмам. Либкнехт снова на свободе и снова с молодежью. Он участвует на октябрьской всегерманской конференции революционной рабочей молодежи, и под его влиянием заново сплывается юношеская организация, на знамени которой боевой лозунг — диктатура пролетариата.

★

Преданный Иудеоу с социал-демократическим билетом, Либкнехт не видит успеха своего дела. Пусть так. «Крот революции, ты хорошо рошешь! Близок час, когда наследникам Либкнехта суждено окончательно стереть с лица нашей планеты трижды проклятый канцеляристский строй, осуществляя ту цель, ради которой жил, боролся и умер железный Карл!

МОРСКИЕ СТИХИ

Стихотворение АЛЕКСАНДРА КОВАЛЕНКОВА

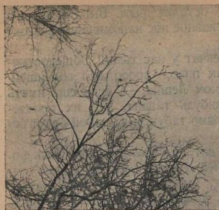
Волны искрятся в дали,
В море видны корабли.
Желтый, синий, голубой —
Зной.

Ветер гладил берега,
Туча солнце стерегла.
Ветер тучу искугал —
Шквал.

Чайки жалобно кричат,
Чайки к берегу летят.
Водух ревом бурых волн
Поли.

Прошумело — унеслось,
Солнце заново зажглось.
Взгляд опять куда ни кинь —
Синь.

Ближе к рейду подошли
Велам стадам корабли.
Ветер в море приласкал
Вал.

Александр и Александра

Повесть

Виктора АМТРИЕВА и Николая БОГДАНОВА

Глава первая

Представление прервано

Был январь. Стояли морозы. Снег смячил резкие черты столицы, опустил колочие решетки Александровского сада, превратил провода в серебристую елочную гирлянду. Остриженные московские деревья убрались в пышный иней и сделались лучше и наряднее, чем даже в пору весеннего цветения.

Река замерзла. На всем ее протяжении чернели фигуры лыжников и конькобежцев. В одном только месте она была свободна от льда. Фиолетовая вода бурлила и билась в берегах, грызла лед и отраженная отскакивала назад. Пар поднимался и оседал розоватым инеем на железные переплеты моста.

Здесь была фабрика. Остров, на котором она стояла, разрывал реку надвое. Течение шло на круто срезанный берег, и фабрика была похожа на огромный корабль, идущий против течения напролом. Ее четыре трубы подпирала сизое, зимнее небо, разбрасывая по нему свои собственные облака.

Фабрика была выстроена в 1913 году по последнему слову тогдашней индустриальной архитектуры. Ее тяжелые корпусы поднимали под себя землю. Хозяин фабрики, замоскворецкий богач и старовер, построил себе на заднем дворе патриархальные деревянные хоромы, отгородил их от хмурых корпусов густыми кущами деревьев. Здесь, в этом уютном и тесном замоскворецком тереме, теперь устроили клуб, и здесь же началась и кончилась наша история об Александре и Александре.

Вечером десятого января при редкостном стечении публики в клубе началось представление. Оно было не совсем обычно. Когда занавес распахнулся за ним не оказалось ни пыльных занавесных декораций, ни стола, одетого в красное сукно. Посреди сцены стоял четвертый балаганчик. Он походил на знаменитую избушку на курьих ножках и занимал всего-навсего два шага в длину и столько же в ширину.

Когда в зале кончили откашливаться последний безбилетный мальчишка

был с позором изгнан за дверь, тонкий голос неожиданно и звонко прокричал:

Внимание, внимание:

Сегодня представление, Кавалерист Петрушка, Неожиданные разоблачения Злодеяний среди игрушек!

Традиционная, красноносая кукла Петрушки показала из-за колеблющихся стены, но не захопала, как водится, в ладоши, а лихо взмахнула грозной жесткой сабелькой. Представление началось.

Над стенами шаткого балаганчика показывались сегодня не забавные похождения дурака Петрушки, а трогательная даже в передаче неуклюжих кукол любовь молодой парочки. Под шумящий напев гармонки двигались куклы, работали, ссорились, целовались.

Сначала их было двое.

— Мы поселимся вместе, когда достроят этот дом, — сказала девушка, указывая на грубо намалеванные контуры стройки.

— Да, — ответил юноша, — когда я стану мастером.

На сцене появилось понятное рабочим игрушечное изображение одного из цехов фабрики. И здесь парочка работала вместе. Их окружали форсистая кукла с трубой в зубах, добродушный старичок, подкрепляющийся постоянно из сорокаградусной бутылки, и другие. Против девушки обнаружился целый заговор. И добродушный старик, и форсистая кукла, и даже возлюбленный девушки превратились в ее злейших врагов.

Сначала все происходящее было непонятно, но когда кукла добродушного старика хлопнула по плечу главного героя и пропищала:

— Приходи уже, устроим на лучшей детской крик, — то из глубины зала раздался искренне удивленный возглас: — Да ведь это ж я!

Весь зал обернулся к старику Гурьеву. Не только он сам угадал себя; и его и остальных действующих лиц узнал весь зал. Все они были на лицо:

в третьем ряду сидел Александр Крылов, весь подавшись вперед, схватившись руками за колени, откинувшись в темную нишу окна нарядный Лешка с пустой трубкой в зубах. Здесь и краснощекая женорганизаторша Киселева, застывшая со шпильками в зубах и с распавшимися волосами, и толстый директор, озирающий всех неизвестно почему торжествующим взглядом, и чернобровая Зина.

Нет лишь самой виновницы всей кутерьмы Александры Майковой. Напрасно озирается Киселева, высматривая Александру во всех углах. Напрасно Крылов берет для нее место рядом с собой. В зале ее нет.

...На сцене девушка, доведенная до отчаяния, побежала топиться. По залу прошло движение. Женорганизаторша Киселева вскочила с места. Роняя шпильки, она забежала на сцену...

— Товарищи! — закричала она. — К черту этот балаган! Где Шура? Где Шура беги к реке! Довели девушку! Я говорила...

Волнение Киселевой передало всем. Все сразу поняли, как трагически могла кончиться история Александры и Александра. Полгода вся фабрика наблюдала ее и не хотела вмешаться в интимное, личное дело. Но вот неожиданно интимное и личное, каксавшееся казалось только влюбленной парочки, стало важным делом всего коллектива.

Представление прервалось. Маленькие куклы продолжали что-то лопотать и суетиться, но их никто не слушал.

Крылов опустил живописные решетки Александровского сада

Часть рабочих выбежала вместе с Киселевой, другие остались в клубе.

Киселева выбежала со двора на берег. Луна, как бледное лицо утопающего, выглянула из кипящей воды. Киселева опрометью бросилась на мост. Вскочив в первую встречную пролетку, она крикнула извозчику адрес Шуры.

В клубе не расходился. Кукулы убралась в свой балаганчик, а оставшиеся зрители, в перебой крича и жестикулируя, обсуждали и восстанавливали с самого начала настоящую, так похожую на сегодняшнее представление, историю Шуры и Крылова.

Чтобы объяснить несколько сумбурные события этой главы, надо вернуться и нам тоже к самому началу.

Глава вторая

НЕДОТРОГА

Александр Крылов из армии явился прямо к Лешке Потрясаеву. Ни родных, ни других знакомых у Крылова в Москве не было. Мать умерла в 20-м году, отец погиб в «германскую» войну, а знакомых он растерял и перезабил за эти годы. Крылова долго мотало по взбудораженному российским просторам. Сначала занесло его по комсомольской путевке на Украину, в Астрахань, в 22-м — в Баку, а с 23-го пошел в армию. Да не куда-нибудь, а прямо на Памир, на границу с Китаем. Как попал туда Крылов, так и выстоял четыре года.

Переписывался он, да и то изредка, только с другом детства Лешкой, с которым когда-то вместе гоняли голубей и работали на кондитерской фабрике.

Лешка жил в одном из старых замоскворецких домов, пропахшем кошачьим пометом, гниющей в подвалах рхлядью, кухонным чадом. Крылов не сразу отыскал в темном дальнем коридоре Лешкину комнату. Нащупав дверь, он постучал и, не дожидаясь ответа, вошел. По воскресеньям Лешка занимался фотографией. Он сидел на корточках, уткнувшись в шкаф, накрывшись с головой черным одеялом. Из-под одеяла торчали только его босые желтые ноги.

Крылов оглядел весь холостяцкий уют Лешкиной комнаты. Хозяин видимо следил за порядком. Сор был аккуратно заметен под кровать, клопные и сыростные пятна ловко заклеены многочисленными красавицами, вырезан-

ными из журналов мод и из старого «Пробуждения».

Заслышав скрип двери и шаги, Лешка из-под одеяла приглушенно и сквозь зубы прохрипел:

— Опять ты, задрыга, влезла! На какие замки от тебя заперяться!

— Гм, — кашляя басом Крылов.

Лешка секунду послушал, что-то осторожно уложил, затем попятился, бережно закрыл дверцы шкафа и встал перед Крыловым во весь рост, небрежно накрытый одеялом, как плащом.

Лицо его несколько секунд выражало удивление, затем расплозлось в широчайшую улыбку. Друзья издали по несколько радостных нечленораздельных рычаний, обнялись, потом разошлись,

теперь остался рыж. Выражение его лица и главное нос напоминали Крылову осетра.

— Девчат у нас тыща! Общедоступны... как пиво,— продолжал восхищенным тоном Лешка,— а если еще иметь какой-нибудь талант, что их привлекает, прямо табуном за тобой будут бежать!

— Я вот, например; я занимаюсь фотографией и комизмом. Ну скажи, отбою нет. Ты слышал, как я заругался? Это я думал одна девчонка пришла. Липнет ко мне, как конфета. Девчата у нас двух сортов ; большинство веселых, фокстротик, шимми танцуют, — Лешка прошлепал по комнате, колени и вытхая задом. — Платишки сверх моды на вершок носят, и вообще не зевают. А есть и нахмуры, на кривой козе не поедешь. Ну, да этих меньше. И заметь, самые веселые это упаконичны, а нахмуры большинство из других цехов. Вот со мной одна на штамповальной машине работает, такая нахмура! И ведь красивая девка! Прямо жалость! Никаких шуток не понимает. Хотел я как-то ее телесные достижения обследовать, как даст она мне наотмыв, без всякого разбору: по зубам — по зубам, по носу — по носу!

Крылов взглянул на Лешку и почему-то подумал, что по его большому, хрящеватому носу приятно ударить.

— С тех пор она мне опротивела, ведь в женщине главное женственность, нежность, игра...

Где он нахватался этих словечек? Крылов вдруг спросил:

— А как твои комсомольские дела?

Лешка соорил презрительное лицо и горделиво произнес:

— Я переросток, мертвая душа. Крылов пристально поглядел на него. Лешка сделал непонимающие глаза.

— Ну и черт с ними, не хотят — не надо! В жизни, брат, много хорошего и кроме партии. Подумаешь!.. — Ворча он полез под кровать, достал пухлые замшевые ботинки и стал обуваться. Настроение его сразу упало.

— Ну, так как же девчата? — сдерживая улыбку, — сказал Крылов.

— А ну их к черту, все они на одну колодку. Вот увидишь. Пойдем сейчас на вечеринку.

Лешка долго и копотно одевался. Крылов соскучился смотреть, как он пристегивает разными крючечками, за-

Традиционная красноносая кукла Петрушки оказалась из-за кобеляющей стены

поглядели друг на друга и опять обнялись.

Лешка кинулся в кухню за кипятиком, извлек полбутылки какой-то наливки, банку консервов и колбасу. Крылов ел со смаком, с аппетитом пробывшего две недели в дороге здорового молодого человека. Лешка же не ел почти вовсе, а больше любовался своим другом.

Крылов вырос и возмужал удивительно. Его русые волосы отливали золотым загаром. Темное, почти коричневого лица, обвояные ветрами Памира, опаленное солнцем Туркестана, стало продолговато и худощаво.

— Ну, брат, — восторженно заявил Лешка, — попытаешься ты успехом у наших девчат!

Крылов улыбнулся и посмотрел на Лешку. Лешка как был когда-то, так и

понками, брелочками галстук, как за-прятав в ботинки дряные грязные пятки шелковых носок.

Наконец они вышли на улицу. Колочий осенний ветерок срывал с деревьев оранжевый лист и гнал его шумными ручьями по канавкам вдоль тротуара. Солнце заходило где-то за домами, и ряды высоких окон сверкали, как золотые зубы. Лешка прошелся по хрустящим листьям, собрав их целых ворох.

— Вот,—сказал он, вдохновляясь,—волосы у Зиначки, как эти листья, личико — персик, глаза — черные бусинки, а зубки — как жемчуг!

— Это ты про кого? — спросил Крылов.

— Эта девочка не из нахмур, эта сама завеселая — на вечеринке увидишь.

Крылов представил себе настоящий персик, неровный, в пушке, с красными пятнами, приложил к нему жемчуг, вставил черные бусинки. Получилось чудно. «Беда с парнем», — подумал он.

— Александр, — сказал вдруг серьезно Лешка, — слушай, будь другом, возьми ты не за эту, Зиначку, а вот за ту, недотрогу, обратай ее. Ей-богу душа болит, обидно. Такая гордец, столько она над нашими ребятами поиздевалась. Ты свежий человек, она тобой заинтригуется. Докажи ей, что такое есть мужчина!

— Только, братец, смотри, осторожн — с подходом. У нас один так обжогал... Да ведь кто? Первый красавец, бужгалтер, тенор, чорт возьми! А красившая девка — Шура Майкова.

Лешка не стал приводить сравнений. Он замолчал.

Крылов ожидал, что увидит девушек-работниц в кожаных куртках или в таких же аляповатых пальто, в каких они ходили семь лет назад. К его удивлению все девушки на вечеринке были в шелковых платьях и шелковых чулках, туфли на всех были лакированные или цветные. Брови и губы у большинства были подрисованы, щеки напудрены.

Комнат было две: в одной, побольше, танцевали, в другой Крылов весь вечер рассказывал о снежном Памире, о тиграх, о странных людях, которых заносит в те дикие места. Он говорил о жел-

том сыпучем песке Туркестана, о бутаторских вождях басмачей, снабженных новеньким английским оружием.

Девушка, завладевшая им на весь вечер, ловко отшив остальных, умела красиво слушать. Ради рассказов Ли Крылова, или ради него самого, она на сегодня отказалась даже от танцев. Как бы незначай прижималась она круглым, теплым плечом, встраживала мальчишески подстриженной белокурой головой. Она занавесила лампу синим платком, и при голубом свете показалась Крылову еще лучше. Он никогда бы не подумал, что это та самая Зина, которую Лешка Потрясаев изображал в виде какого-то идиотского персика.

Под конец вечера, когда некоторые уже расходились, Зина вдруг перебила его, совершенно не идущей к делу фразой. Ясно было, что она весь вечер собиралась сказать об этом.

— А вы наверное, — сказала она Крылову, — увлечетесь Майковой. Есть у нас такая недотрога, которой почему-то увлекаются все новые люди, приходящие на фабрику. Но только, заранее говорю, зря будете тратить время. Ее все уж расшифровали. Это такая неслепая особа.

Зина прищурилась, как бы скрывая какую-то интригующую тайну о Майковой.

— А впрочем не думайте о ней, она того не стоит, — продолжала Зина, ерша Крылову волосы.

Всю дорогу, пока провожал Зину, Крылов думал о недотроге. Разговор вела Зина. Он что-то отвечал и подкакивал. А Зина, вытирая платочком краску с губ, думала: экий застенчивый, а еще боец.

У ворот остановились. Крылов взглянул на Зину. Перед прощанием вся ее фигурка была особенно притягательна, и глаза смотрели вызывающе. Крылов стоял в раздумьи.

«Ну, что ж он не целует?» — начала сердиться Зина. Она так привыкла, что кавалер, которому она разрешила себя провонять, мечтал о поцелуе, и достаточно было легкой игры, чтобы подбить его на это.

Когда Крылов ушел, грубо трянувший ее руку, она долго стояла недогушая,

оскорбленная, в то же время полная решимости действовать до конца.

Крылов поступил на фабрику. Его назначили в бисквитный цех. Когда он сошел по ступенькам вниз, где на блестящем кафельном полу стояли тяжелые штамповальные машины, он сразу увидел высокую статную девушку, стоявшую у тестомесилки.

Цеховой мастер Жбыркунов указал ему место у машины. Крылов прошел мимо девушки так близко, что почти задел ее, и сразу понял, что это и есть недотрога.

Он первый протянул ей руку. Они долго и пристально посмотрели друг друга в глаза.

«Я о тебе много слышал» — говорила темные глаза Крылова, — кажется мы будем друзьями!»

«Да, — подтверждали глаза девушки, — конечно друзьями!»

Так бывает: даже без разговоров, после первой встречи, одним обменом взглядов, люди заключают дружбу. Так было и с Александром и Александрой, но чуть не в первый же день Шура твердо ограничила их начинающуюся дружбу одним непререкаемым условием.

— Крылов, — сказала она, — очевидно любовь во мне еще не проснулась если ты хочешь, чтоб она проснулась именно для тебя, не приставай ко мне зря. Многие, более деликатные, предлагали мне сожителство в первый же день знакомства, остальные просто молча лезли целовать. Будь выше этого, иначе ты мне опротивеешь навсегда.

Шурины слова не нравились Крылову. И как ему ни было временами трудно, он твердо, с красноармейской выдержкой, держал данный себе и Шуре зарок.

Иногда только его искашала дряненькая мысль: «Что хотела Зинка сказать и утаила от него о Шуре?»

Спросит Шуру или кого-нибудь из рабочих он не решался, боясь, что зинкинские намеки подтвердятся.

(Продолжение следует)

На фотографиях этой страницы ты видишь, читатель, разнообразные модели театра петрушек. Об этом интереснейшем виде народного искусства, к сожалению еще недостаточно распространяемого у нас в СССР, будет помещен очерк в одном из ближайших номеров «Смены».

Рассказ Н. КРАШЕВЦОВО Иллюстрации А. ДЕЙНЕКА

И все, кроме храпевшего Димки, подняли правую руку

На вечеринке

Вечеринка была в самом разгаре.

Против Боба Преображенского сидел осовевший Дмитрий Дмитриевич, или просто Димка Сушкин, отличавшийся от других участников вечеринки и происхождением (сын торговца севрожкой), и жизнью. Дим-Дим, как говорил Алексей, занимается «прожиганием жизни»: катается с Маруськой Ежиковой на такси, покупает ландрин, разводит кроликов...

Кроме того, Димка не имел «политических взглядов» и смотрел так: «Лезать — какая власть... Было бы мне хорошо, нас бы не жали».

За то его не любили и приглашали только потому, что Димка жертвовал на вечера чуть не по десятке...

Имея от природы чрезвычайно мягкую, добродушную натуру, он не презирал так советское обучение, как другие, и успешно окончил бухкурсы...

Третий из присутствовавших был Алексей Владимирович Вожковский, сын ответственного сэмчика мрачного подвала, в котором происходил вечер...

Содержимое бутылок подходило к концу. Компания все больше и больше пьянела. Алексей заплетавшимся языком спорил с Бобом насчет вновь строящегося дома Хлебпродукта. Боб упрямо доказывал, что дом крепкий и выстроен из самого что ни на есть морского камня.

Алексей протестовал, немилосердно икая: — Из известки... рассыпется.

— Прочный.

— Рассыпется.

— Тыду! — и Боб оборвал спор. Несколько минут посидели молча, угрюмо глядя друг друга в дымку дешевых папирос.

Потом спор возобновился... Теперь Алексей доказывал, что «сукраниская» хлебе «русской». Боб никак не хотел соглашаться: — Слабже...

— Крепче.

— Слабже... — в воздухе нависала брань.

Боб встал и нервно прошелся по квадрату, оглядывая подвал. «Ну... подвалчик. Куда судьба загнала...» — это он говорил каждый раз после долгого спора, желая смягчить наглость.

Громыхнула подвальная дверь, и пхнула явля кто-то с подпятами газетой и вортником. Приседший опустил газету и комната дрогнула словом: — Рустам!

Рустам Густавович Тарлецкий был очень ситяльная особа.

По словам Руськи, как его теперь звали, предки его только и занимались тем, что оспаривали у Романовых российский престол. Впрочем этому не все верили, но известно было доподлинно, что Руськи дворянский деловик неоднократно посылал на жизнь Распутина... Отец Руськи пал

в «славном» бою у Калчака, а мать умерла от разрыва сердца, или, как уверял Димка, от простуды.

Алексей приблизился и, глядявясясь пришелшему в лицо, спросил лениво: — Что поздно?

Тот нервно встряхнулся:

— Слухи проверяя.

Отдышавшись, бросил, вращая глазами: — Большевники-то... двадцать... — и мотнул головой. Затем порывисто охватила руками голову и, стараясь придать лицу отчаянное выражение, сказал с дрожью в голове: — Двадцать лучших аристократов... расстреляли... — и любовался произведенным эффектом.

Димка угрюмо встряхнулся, зевая: — Слыхали... В Охотный завсегда раньше всего вести доходят... — И видимо засыпая, пробурчала внятно: — Не аристократы... шпионы денежные...

— Дурак, — резко выругался Рустам и обратился ко всем впопологоса: — Что ж... Давайте отпор дадим... Месть... Сожжем заводы, разрушим фабрики, взорвем мосты...

Алексей прервал хладнокровно: — Куда поехал много... Мосты, — и подумав, сказал: — Разве клуб какой подпалить?

Димка снова встряхнулся: — Вот вам... подпалят... — и стукнул головой о край стола.

Рустам не унимался. Заметно увлекаясь ролью вожака, продолжал: — У каменного льва — склад оружия. Связь с заграничей — через меня.

Алексей опять не выдержал: — Плюнь... Заграница... Вот подпалить, что? Разве клуб ближний... как его?

Боб подсказал: — Печатников.

Рустаму мысль понравилась: — Можно и печатников... — и пояснил: — Террор произвести надо... Напугать. — Торжественно добавил: — Только организованно... Катяту давайте...

И все, кроме храпевшего Димки, подняли правую руку, совсем так, как индейцы у Купера...

На другом вечере

В клубе идет собрание типографской молодежи. Разгоряченные лица, аплодисменты...

Наклоняясь к хлопающему Димке, Рустам прошипел: — Что хлопаешь, дурень? — И закусыл губу от злости.

Димка убрал ладони; захватил разом как-то... И глупо улыбаясь, последовал за Рустамом, к выходу: — Зря это... врывать придумали.

Рустам слышал, до кулака его руку и, таша через потную чашу, пропентал: — Ты что, охучел?... Все погубить хочешь?...

Димка громко высморкался и сказал пискливо: — Я что ж? — Я ничего... Я же вроде — беспартийный, не разделяю вашу программу...

Рустам выгнул руку Димки и умчался вперед...

Сушкин шел теперь один, не замечая, что за ним неотступно следовал парень в кожанке.

Димка говорил сам себе, удивляясь необычным словам: — Пусть как хотят... а я палить клуб ни за что не буду...

Захватили беспокойные мысли: — А если бы попался? Что тогда? — От страха заняло в кожанке; он точно видел перед собой гигантский пожар, давшие огненные блики, дымовую завесу и наконец... автомобиль с решеткой... Победившие губы шептали: — Засадят или... расстреляют. Что тогда на курсах скажут?...

У самого выхода кто-то тронул за плечо бережно: — Потстой, товарищ.

Непривязанно обернулся Димка: смуглое лицо, кожанка мятая.

— Погоди... Мы одного направления:

— Как так?

— Итти вместе.

Успокоился Димка, но все же косится на незваного спутника, а тот спрашивает:

— Печатник будешь?

Собразил Димка, что случайно в клуб пролез, не имея права на то... Буркнул сердито:— Печатник.
— С какой типографии?

Не знал Димка, что отвечать, но чтобы не возбудить подозрения, сказал мрачно:— С двадцатой.— А у самого в мозгу:— Может и нет такой?

Но тот произнес мучительно спокойно:— Знаю. Это, что на валу.— И спросил:— Из бронировочного?

Димка подумал, нет ли ловушки, и сказал ровно:— С оборотного.— И сам поднялся на свою нахушитель.

Тот показал ровные зубы:— Брось шутить... Достал из кармана ломаную папироску и, силясь закурить, добавил:— Я вот спрашиваю, потому как... на твои слова в клубе... внимание обрати... Свой, думаю, или нет?.. — Пустил дымок тонкой струйкой... — Да и раньше тебе в клубе не примечал.

Димке слова показались подозрительными и он хотел свернуть в проходной.

Тот тихо пошевеливал это и сказал, понижая голос:— Брось от своих бегать.

Димка поднялся и ничего не ответил...
Минували людную улицу.

Кожаный резо прервал нудное молчание, словно давясь, сказал:— Направление-то у нас одно... беспартийные мы оба будем... — И спросил ни с того, ни с сего, глядя в упор:— А ты... фантастично увлекаться? Нападениями там, поджогами?

Димка поблелел и, делая изумленный вид, спросил тихо:— К чему это?

— Вместе действовать надо. За одно...
Димка что есть силы оттолкнул кожаного и крикнул с заметным отчаянием:— Оставьте меня. Не хочу больше... Не хочу жечь. Из-за вас ни за что пропадешь... — И внезапно прервался, увидя странную улыбку на лице незнакомца.

Тот хлопнул ошутимо по плечу и сказал медленно, пережевывая каждое слово:— И не надо... Одни... сварганим...

Взбесился Димка и, брызжа слюной, завопил:— Зачем нам, сука, клуб?.. — И чуть не плача, злобно:— Не хочу... Возьму и раскажу все... Не пройдет завтрашнее...

Тот усмехнулся:— Посмотрим...
— Посмотрим...— пробурчал вхом ошенившийся Димка, и оба быстро разошлись в разные стороны.

Монет не стоит?

Протянул лапы старый каменный дед. Изнеможенный годами, тускнеет: потерял часть гривы, расклев левую ногу.

Рустам стоял, упираясь ногой в каменную рабу:— Димка... этот поведет... Непременно поведет... Вчера в клубе до того язык распухнул... что убраться пришлось...

Димка сколупил львиную кожу... — А то... надоело. Заговоры разные... Раньше другие вечерники устраивали: весело было... ну там девчонки... ну еще что... — А теперь — везеос: востать... — Иполомал ногти:— Не хочу востать.

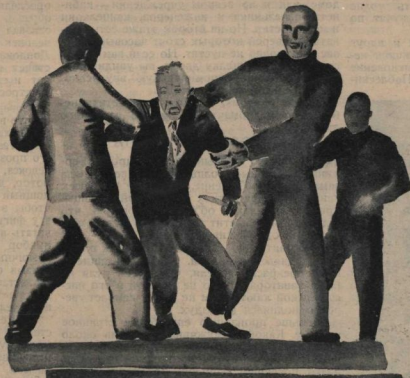
Алексей тронул его за локоть:— Что же размяк... Ведь для себя же... Перемена строя если... Скажем, твой отец землю имел... что теперь отобразил... так вернут... дом...

Димка оборвал мрачно:— Дом? Землю?... Что брешешь? Да разве хоть одна, какая бы власть ни была земля у крестьянина отнять может? Да кто пойдет на такое дело? Это все равно, что у моего отца лавку заберут... — И добавил жестко:— Да что... что с того будет, ежели, скажем, клуб спалим... Власть-то с того рассыпется?

Но Алексей ухватился за Димкино слово:— Подпалим... Димка. Если мы, скажем, а может еще кто найдется...

— Не найдется...
— Ну, а если. Запугать-то надо... Скажем из Англии шарядом бах.

Димка поглядел мрачно:— Вот им бахнут... Так набабахают, что больше не сунутся... Помочачи. Потом Димка

Через минуту рослые парни крепко держали дрожащих «террористов»

ва вспомнил с ужасом:— А нас... за поджог... как за злостное хулиганство...

Рустам прервал с достоинством:— Мы не хулиганы. Мы политические деятели.

Димка изумился.— Это ты откуда?
— Сам додумался...
— Додумался... А ежели как за политическое, да к стенке. Ты это-то думал? — И у Димки с носа скатилось на каменный бок два крупная прозрачная капли... — К расстрелу... Вам хорошо... А мне как-то... Что на курсах скажут?..

Рустам гордо поднял башкою бровей:— Если и расстреляют, так за великое дело.

Димка заголова слезиво:— Нет... Спасибо... это уж вы для себя оставьте... К расстрелу... Спасибо.

Боб, до сих пор молчавший, выдвинулся:— И вправду. Очень нужно шкурой рисковать...

Рустам сморщился брезгливо:— Труссы. Один пойдут... отошел с два шага и вернуся:— Пойдете?... — И подмигнув Алексею:— Кто нарушит клятву... изменит... все равно пропадет. Из-за угла, а убоём...

Боб зло вскинулся:— Угрожать?... Убить?... Вы что-ль меня рожили?... Смотрите, как бы вас самих... Пойдем, Димка.

Рустам схватил Боба за руку и, прижимая грудью ко лбу, зашепел:— Раскол устройи хошь?... — И пахнул пьяным перегаром, качнулся:— Сам уходи... другим не мешай.

Боб высвободился, упрямо:— И уйду... — Мелкими шажками побежал по направлению своего дома.

Димка хотел было ринуться за ним, но жилистая рука схватила его за треснувший швом рукав:— Димка! На тебя возлагаем... Тебе предстоит... спасти...

Димка хотел крикнуть: «Спасите», но сдержался.— Не хочу! Рустам наступил ему на ногу, сверля взглядом:— Ты должен... Понял — должен... Ийя... Хотел было замкнуться, как Алексей сказал успокаивающе:— Он пойдет...

Рустам согласился с этим, опустил руку:— И пойдет... А если бы не пошел, сказали бы — ребят к восстанию подбивал... Не иначе — расстрел.

Димка с'ехился и понору зашагал вровень с ними, лепеча:— Не выидет ничего... Ей богу не выидет... Все против нас... И подобострастно поглядывая на Рустама:— Я уже агитировал... Ваське дворнику намекул раз... так тот меня... поленом хотел... — Нервно передернулся:— На курсах тоже... Приятель Митьке сказал намеком, а он как захохотет: ты, говоришь, с ума спятил... — И Димка повторил удивленно:— Так и сказал: ты, говоришь, с ума спятил?... Это Митька, друг лучший, тоже торговца сын, будто бы недовольный... — И добавил скорговоркой:— А другим сказать побоялся. Еще изувечит...

Рустам прервал резко:— Болтать меньше надо. Того гляди засыпемся... — Сдавливая руку, сунул Димке коробок:— Держи спички-то!.. — Они подхалили к клубу.

— С угла... с дрозью проговорил Алексей, и все метнулись за угол.

— Может не стоит? — умоляюще протянул Димка. Рустам взял его за руку и, не отвечая, потянул за собой.

Клуб опирался на массивный фундамент. Алексей спросил вполголоса:— Что же поджигать? — И щелкнул пальцем по нишу:— Огнеупорный морской камень... — Неминуемо вспыхнул бы обычный спор о качестве материала, если бы здесь присутствовал Боб.

— Надо спешить, — сухо бросил Рустам и словно испугался своего голоса.

Опять пресуважал слабый вохлос:— Может не стоит?... — и не получил ответа.

Рустам старлся быть спокойным... Начнем с низа.

Быстро достал из кармана бутылку с жидкостью, выплеснул пахуче на раму подвального окна и шопотом приказал:— Валий... чиркая.

(Окончание смотри на странице 12)

Лондонский телевокс—фигура в женском костюме переходит улицу

ТЕЛЕВОКС. ПОКУПАТЕЛЬ

УЛИЦА Лондона. На углу стоит неизменный полисмен, то пропускающий, то останавливающий поток уличного движения. Все идет благополучно. Вдруг внимательный взгляд полисмана задерживается на странной фигуре, медленно переходящей улицу. Она закутана в широкую, длинную одежду, ее лицо почти все скрыто низко опущенным кашпоном и как-то особенно "важно" падают ее шаги по асфальту мостовой.

Передя улицу, фигура бдительно останавливается перед витриной трикотажного магазина и затем решительно входит в широкие двери. Так же размеренно, ни на кого не глядя, фигура подходит к прилавку и надтреснутым, металлическим голосом просит продать ей вязаный шерстяной жилет темно-синего цвета. Заплатив деньги и захватив пакет, она выходит из магазина и непозволительно ждет, пока полисмен остановит движение и даст возможность толпе перейти улицу. И снова гулко звучат по асфальту ее тяжелые шаги.

Полисмен зорко следит за ней и вдруг замечает: обогоняющий фигуру мужчину нечаянно задевает ее одежду, она на мгновение распахивается, и под ней... нет тела. По дески-

пронсшествия, но все попрехажено обычно и знакомо. И только на четвертом этаже дома, куда вошел мертвый металлический незнакомец, в открытом окне сидит молодой человек и озабоченно возится около ящика стоящего чемодана.

Чемодан слегка напоминает полисмену крупных размеров радиоаппарат...

МЕРТВАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ С ПЯТЬЮ СТОРОЖКАМИ

Одна из городских электростанций на окраине Чикаго. Ее мощность — 32 тыс. лошадиных сил, т. е. половина мощности Волховской. Тем не менее внутри станции — ни одной живой души, кроме 5 сторожей у ограды. Станция мертва, но работает прекрасно.

Если вы пожелаете поговорить с ее администраторшей, вам придется отправиться в небольшой двухэтажный дом, отстоящий от станции на расстоянии 5 километров. В этом доме, как и во всяком учреждении — кабинеты начальника и инженеров, канцелярии и машинистки. Но на втором этаже есть комнаты, у дверей которых стоят часовые. Тула вас безусловно не пустят. Но если вам удастся заглянуть в щель двери, вы увидите обстановку, очень напоминающую внутренности маленькой радиостанции.

Уходя из дома, вы можете заметить небольшую радиомачту на крыше странного дома...

САМОЛЕТ БЕЗ ПИЛОТА

На обычно пустынном аэродроме Берлина — тысячные толпы. Их привлекло сюда заманчивое объявление, висевшее на всех улицах и перекрестках германской столицы. Громадный плакат объявления говорил, что с аэродрома вылетит самолет, на котором не будет ни одной живой души.

Действительно в назначенный срок в воздух поднялся аэроплан. Близко стоящие к нему прекрасно видели, что у его руля не было авиатора. Никто не сидел и в его пассажирской каюте. Тем не менее самолет уверенно поднялся в воздух.

Дальше произошло еще более странное явление. Какой-то мужчина, поставив около себя небольшой чемоданчик, стал отдавать в телефонную трубку приказания самолету, а тот послушно выполнял эти приказы, поворачиваясь то вправо, то влево, то поднимаясь вверх, то низко паря над домами. Через час, пролетев свыше 100 км. и получив приказание вернуться, аэроплан снова по-

явился над аэродромом и плавно опустился на землю.

В этот день вечерние выпуски газет объявили, что весь секрет управления странным самолетом заключался в чемоданчике таинственного мужчины...

Что это такое? Пересказ больного сна автора или попытка предсказать то, что будет в 2000 году?

К вашему удивлению — не то и не другое. Все рассказанное — голые факты, простое изложение хроникерских заметок.

Но где это объяснение? Оно — в последних достижениях радиотехники.

СЕКРЕТ ТАИНСТВЕННОГО ЧЕМОДАНА

Все мы прекрасно знаем, что радиопередатчик состоит в том, что передаточная радиостанция посылает в пространство невидимые радиоволны, из которых при помощи целого ряда приборов, создаются самые разнообразные сигналы. Так вот эти радиоволны и управляют механическим человеком, чикагской станцией и немецким самолетом. Но тут надо оговориться.

Сила, заключенная в этих волнах, совершенно ничтожна: ее едва хватает, чтобы привести в еле заметное колебание тонкую пластинку телефона. Поэтому не может быть и речи о том, чтобы она сама двигала хотя бы наш германский самолет. Эта работа для нее так же трудна, как для мухи опрокинуть автомобиль. Но тут ей приходится на помощь прибор, называемый «реле».

Сущность этого прибора состоит в том, что он оставляет слабый радиоток повернуть маленький и очень легкий рычаг, который, повернувшись, в свою очередь замы-

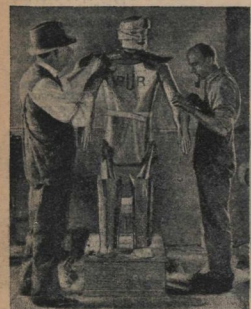
кает ток от мощного мотора и этим заставляет его вращаться. И так по цепочке — посылать слышно и рядом большую, тяжелую работу.

Теперь давайте проследим, каким образом путешествие мертвого человека по улицам Лондона, и тогда станет ясным секрет и самолета, и электростанции.

Совершенно ясно, что внутри этого механического существа, или — как его прозвали — телевокса, находится мотор, достаточно мощный для того, чтобы заставить эту фигуру перегибать ноги. Этот прибор соединен различными проводами с приборами, заставляющими двигаться руки и ноги человека.

Теперь представьте себе, что мотор пущен в ход и соединен механизмом, который заставляет телевокса шагать прямо. Это его нормальное состояние,

„Медицинский осмотр“ телевокса задним

Телевокс Эрин готовится к путешествию

ХАНИЗМЫ

ЛОПАТИНА

когда он предоставлен самому себе. В таком измененном состоянии телевек и дошел до витрины магазина.

Тут молодому человеку, сидящему в подоконнике, захотелось направить своего «воспитанника» в магазин. Для этого ему достаточно послать определенный радиосигнал. Приемный радиоаппарат, находящийся в груди телевокса, тотчас же примет этот сигнал и передаст его соответствующему рычажку. Под влиянием получаемого радиотока рычажок повернется, и от этого с одной стороны прекратится прежние действие мотора (телевек перестанет идти вперед), а с другой — сильный ток мотора попадет в тот механизм, который заставит телевокса повернуться вправо.

Новый сигнал молодого человека — и телевек опять идет прямо, направляясь к прилавку магазина. Здесь снова придется послать новый сигнал: в теле мертвого человека повернется особый рычажок и находящийся в его голове громкоговоритель скажет приказную просьбу о темном сменном вязаном жилете. Так, чередуя различные сигналы, заставил молодой человек своего мертвого воспитанника купить жилет и вернуться домой к великому удивлению полисмена.

Тот же, также управлялся германский самолет и чикагская электростанция.

Таким образом весь секрет молодой науки об управлении по радио механизмами на расстоянии (эта наука называется «телемеханикой») состоит в том, что управляемая машина имеет какой-то мотор и систему рычажков, поворачивающихся под влиянием различных радиосигналов. Каждый рычажок, повернувшись, соединит мотор с механизмом, который заставит машину выполнять ту или иную работу.

Таким образом, соединит мотор с механизмом, который заставит машину выполнять ту или иную работу.

КОГДА МАШИНИСТ ЧИТАЕТ ГАЗЕТУ...

Надо сказать, что лондонский телевек, чикагская электростанция и берлинский самолет — далеко не единственные применения телемеханики.

Еще в 1925 году богатый американский фермер решил приспособить телемеханику для своих сельскохозяйственных работ. Он снабдил несколько своих тракторов этими новыми радиоаппаратами, соорудил себе высокую стеклянную вышку посреди поля и, сидя в ней, поворачивал только ры-

чаги своего радиоаппарата, заставляя трактора послушно выполнять необходимые работы.

В 1927 г. крупная американская фирма установила на берегу Миссисипи гигантские разгрузочные машины, которые занимались выгрузкой из барж каменного угля и железной руды. За день своей работы они выгружали тысячи тонн груза. Управляя же ими только один человек, отдавая им приказание по радиозвонку.

Наконец, использовала новую науку и железнодорожная техника, произведя недавно очень интересный, но и крайне рискованный опыт.

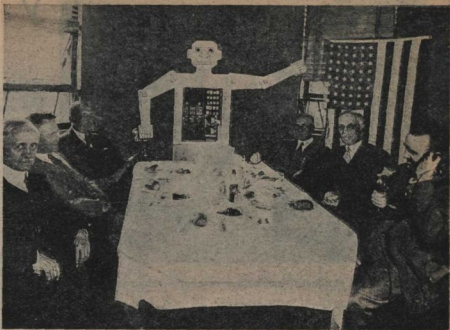
Мощный американский паровоз, снабженный приборами телемеханики, полным ходом подходил к станции. Казалось бы следовало начать тормозить, но машинист, бесечно завалился на своем сиденье, демонстративно читал газету. У зригелей создалось впечатление, что катастрофа неминуема: станционная платформа была совсем близко. Но в самый последний момент, когда казалось — спасения нет, паровоз, резко убавил ход и остановился за 2 метра до конца пути.

Оказалось, что паровоз был остановлен участником опыта, который, находясь в помещении станции, по радио вел паровозу останавливаться.

ЖИВАЯ МИНА

Нет ничего удивительного, что телемеханика воспользовались и военные министерства. На недавних осенних маневрах американского флота старый истребитель был поврежден для производства интересного опыта.

Установленные на истребителе радиоаппараты позволяли ему производить различного рода движения при полном отсутствии на нем команды, а специальный самолет был выделен для его атаки. Эта атака оказалась исключительно интересной. Самолет, который управлялся одним из лучших военных летчиков, не бросал на истребитель бомб, а пустил в него мину. Вылетев из самолета и преславшись в воду, она уже под водой направлялась к атакуемому судну. Она двигалась непосредственно под поверхностью воды, и ее движение было прекрасно видно и с самолета и с судна, с которого производилось управление атакуемым истребителем. Тотчас же был послан ответственный сигнал на истребитель, и он, сделав резкое движение, совсем было отклонился от тупиковой в него мины. Но в этот момент летчик стал посылать свои сигналы, и мина, слушаясь их, в свою очередь изменила свое направление и опять стала атаковать судно. Оно снова уклонилось, но летчик снова приказал мине напасть на судно. Несколько митворений происходила эта погоня мины за истребителем. В конце концов летчик победил: мина потопила судно.

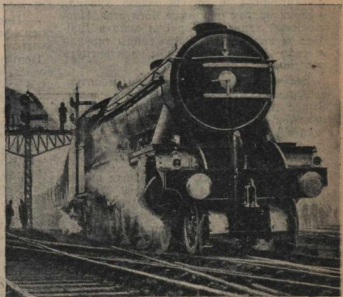
Телевек говорит речь на банкете, устроенном в честь годовщины его существования. Слева, в очках — его изобретатель

ТЕЛЕВОКСЫ ЗА РАБОТОЙ

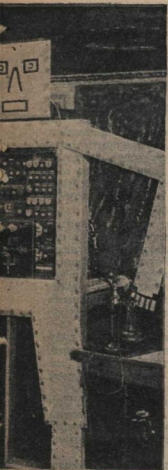
Надо сказать, что и знакомый нам уже лондонский телевек не одинок. Его товарищи, такие же, как он, телевокси, демонстрировались осенью этого года в Нью-Йорке и Берлине. По приказанию хозяина они говорили речи на митинге, сидели на стул, гуляли. Но не надо думать, что телевокси так «гуляют» и «слоняются», как это может показаться с первого взгляда. И вот яркое тому доказательство.

Существующая в настоящее время система канализации Чикаго уже не удовлетворяет нуждам этого громадного города, и в настоящее время идут гигантские работы по расширению его канализационной сети. Чтобы представить себе размер этих работ, достаточно сказать, что стоимость их определяется на наши деньги в 120 млн. рублей.

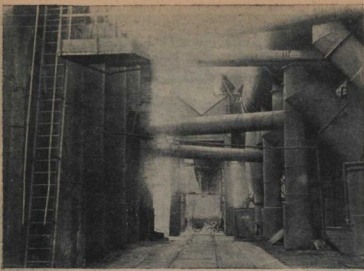
Так вот на сооружаемой канализационной системе впервые в мире будут работать артель мертвых телевокси. Они будут выполнять всю грязную работу, вредную для здоровья живого человека. Так впервые в истории техники начинают работать механический человек.

Паровоз, который был остановлен по радио без воли машиниста

Сигнал и репликация очередного сигнала

Днепропетровский комбинат имени Дзержинского—газоочистительный

ГОРОД КАМЕНСКОЕ

ПОЕЗД замедляет ход. Медленно накатывает он километры на свои стальные колеса. Небо синее, залитое лучами солнца, понемногу омрачается облаками. Похожими на накипь грязной лены. Еще несколько километров—и плотная, тижелая, черная туча затенит небо. Она, как вихрик исподлинских размеров, прикрывает от солнца целину Днепропетровщины. Эта туча—дым над Каменским.

Поезд ускоряет ход, мчась под уклон. Вот он сделал крутой поворот, и нашим глазам представилась великолепная картина. С правой стороны—Днепр, могучий широкий «багью Днепр» катит свои воды не успешнее скатываясь морозом воды навстречу Днепропетровску. За ним, за этим сияющим стариком—степи, сава в снегах снега степи. С левой—выставив в небо пятьдесят труб, изрыгающих высь черные клубы дыма, в балке, распахав лапы своих многочисленных корпусов, залет комбинат Днепропетровский—жемчужина советской металлургии.

На десяток километров в стороны от корпусов змеятся улицы и переулки—ковши-краю им лет. Это—Каменское, промышленный, чисто пролетарский город, насчитывающий до 35.000 жителей.

Лет тридцать-сорок тому назад здесь была степь. Широкие украинские степи от Таганрога и до Николаева хранили в своих недрах огромные богатства. Иностраный капитал прорубил окно в Донбасс, и вот поляки и бельгийцы пришли в село Каменское, чтобы воздвигнуть тут колоссальную шахину.

Застучали топоры, зашколали молотки, зашуршали рубанки, запылали пилы. Вырос маленький рабочий город, вырос маленький Днепропетровский металлургический завод.

В то время на заводе насаждалась культура по особому методу.

В каждом цехе стояла большая витрина, как шкаф. В этой витрине занимал особую жилищную «святыню». Перед каждым таким угольником, днём и ночью горела лампа, и специальный человек следил за порядком. В день имани «святыня» цех—обладатель его—не работала. Двенадцать рабочих часов хозяин вычеркивал из своего бюджета на «культурное» дело. В этот день приходил к иконе попик, честно зарбатывая «тромак», что-то бурчал под нос, а директор

У ДОМЕННЫХ ПЕЧЕЙ

Очерк С. ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО

завода Макоматский по дороге, заранее усталый коврами, важно шествовал, раздавая рабочим по полтине «на яло».

На полтину пили до потери сознания, заливая горе непробуею.

раз одна в больницу с глубокою порезом ноги. Я ей повязку, она же подозрительно смотрит и говорит: «А молоком кислым почему рану не промили?» А, когда я был болен желтухой, пришла ко мне жена ответственного работника, занавод, разводит, и совдует моей жене: «А вы бы ему шей кушать дали. Только где их достать? Трудно теперь».

РАБОЧАЯ УЧЕБА

Октябрь сказал свое слово, и в результате этого Днепропетровский завод стал носить имя Борн-человека, Феликса Эдмундовича Дзержинского Державинского.

В рабочей квартире можно теперь увидеть не только электричество—тут ваэ и ванная комната, и паровое отопление, и водопровод, и радио.

Вырос в Каменском индустриальный техникум. Еще в голод и холод комсомолец и старый рабочий осиливали инженерные науки. Много бывших рабочих взяли в свои руки руль производства. Таковы Крикэнд—помощник начальника валютного цеха, Яловой и другие.

До 300 человек, из коих 50 стариков, трудят в этом техникуме, вечером в техникуме—вот как выполняются в течение пяти лет красивые спецзаказы.

А кто не может по пять лет учиться, тому двери открыты в вечерние профтехкурсы. Тут вы можете увидеть девятнадцатилетнего Макара Ишакова, совершившего из любопытства пешком экскурсию на Днепропетровск, рядом с Петром Демьяновичем Коршуном.

Тов. Коршуну без малого 56 лет. Он партнёр. У него две дочери в вузах, одна в профшколе, а последняя замужем. Он же на старости лет решил:

«Постылку поскольку (ударение непременно на «у») наша власть—нам и учиться».

Повзому он спрашивает, как это случится, что вместо аршина метрами теперь «кроют». Ему обещают.

—А это что такое метр?—любопытствует он.—Откуда он взялся?

—Это одна сорок миллионная часть Парижского меридиана.

—Меридиана?—переспрашивает Петр Демьянович.—А что это за меридиана?

И так постепенно т. Коршун одерживает верх над меридианами тайн науки.

Таким, как Коршун—сотни.

Вырос в Каменском и центральный клуб труда, театр, библиотека, школы, поликлиника, больницы.

Старая рабочая больница была темной, сырой. Новая обшлась в 450 тысяч рублей, рассчитана на 100 коек и имеет харьковских и днепропетровских врачей.

—Чудные есть пациенты,—рассказывает главный врач больницы.—Пришла

ВМЕСТЕ С ГУДКОМ

Медное горло заводского гудка вышло нулю высь белые густки пара, возвестив о начале работы. Упругая гула мускулистых тел, весело отаванивающих по мостовой кабукам, втокнула меня в ворота этого гиганта металлургии.

Черный как вакса дым лидтисствит труб. Угольная, коксовая и рудная высь различных цветов, совершающая в воздухе неопределенные танцы; пыль, которая слепит глаза, превращает снег в черные поля, небо—в чернилу и упорно прчет от глаз солнце.

Черные крыши, черные окна, черные двери, черные тины. Запах едкого доменного газа, мазута, масла, шестмет нос и заставлял искать свежий воздух.

Огонь, море огней бушует повсюду. Колосники доменных печей огненным оскалом страшных зевов смотрят страшно, горчико, жгуче.

Прямоугольники зданий, квадраты станций и подстанций, цилиндры кауперов доменных печей громоздыт друг на друга, скрепяиваются, расходятся и снова перелетают за причудливыми узорами.

Это все—Днепропетровский металлургический завод имени Дзержинского, рождающий в год на 60 миллионов рублей металл.

Тут делают все. Во-первых—чугун, железо и сталь. Во-вторых—товарные вагоны. В-третьих—паровые котлы, жаровые трубы, астакиды, проволоку, балки, рельсы, швеллера, баллажи колесные, оси вагонные, ресорную сталь, прутья, листовое железо, кровельное, фасонное, толстое. Делают тут различного рода стальные отливки, чугуны, медные. Это царство железа и огня, круглые сугки, без остановок, годами, как «перпетуум-мобиле», как вечный двигатель, делает, выдвигает и производит.

Фонتان огня разжигают докрасна боланики. Эти глыбы металла весом в пелуду тонну подхватываются хоботками кранов, кидаются в обътия вращающихся валков и быстро-быстро катятся в направлении машин—прокатных станов, шельжающих своими крепкими стальными губами. Шельжание гудкое, как выстрел десятков ружей.

И вот глыба металла попала на гудку машины. Целые системы зубчатых колес, гудких валков, расплываются и, через пять минут, в противоложном конце цеха лежат остывающий рельс.

Птиями реет раскаленный металл. При помощи различного рода приспособлений он легче бабочки, перелетается в хороводе зубчаток, порхает с одного стана на другой.

В бандажном пневматическом молоте кромсают и гудят железо. Возле молота сидит простой человек, ния которому

Трубопроводы от газоочистительной Днепропетровского комбината им. Дзержинского

машинист. Он и жиммет на рычаг, и трехтонная кузница со системою, отплевываясь облаками пара, рунит на слиток раскаленное железо.

Искусство лесковского кузнца, подковавшего блоку вручную, осталось далеко позади. На смену ручному молоту пришел паровой. На смену старым методам работы пришли новые. Рационализация, изобретательство и сноровка. Завод экономит на этих формах рабочей инициативы до 2,5 миллиона рублей. Но...

Но не так легко далась победа.

ТРУДНЫЙ И РАДОСТНЫЙ РОСТ

Кольчугинское, тавиеское, днепропетровское, шахтинское депа — все они связаны неразрывной нитью. Хозяинчик хотел вернуть себе награжденные им заводы.

В 1920 году директор Днепропетровского завода — господин Макоматский, испугавшись грома победных Буденювских маршей, улетывает, как говорят здесь, «на тихую», в Польшу.

Уезжая «в долгое плавание», он оставляет своих помощников Жарновского и Клоковского. Им предлагается следить за сохранностью оборудования, но всячески тормозить пуск завода, а в случае пуска снижать его производительность.

Жарновский истощил полку своего платона за 1.000 франков. По официальным материалам основная задача вредителей заключалась в сохранении завода и в торможении его пуска путем сокрытия ценного сырья, средств (Жарновский напр. похитил 5 кг. платины).

Так дядило до 1924 года, пока ГПУ не раскрыло заговор.

Трудно было работать по восстановлению завода. Не было денег, не было материала. В 1925 году были готовы к пуску несколько цехов. Не было только пара. Станки не чувствовали пульса.

Для того, чтобы пар добыть, нужно было расширить котельную паровых котлов. Это должно было стоить 88 тысяч рублей. В то время эта сумма считалась солидной, да и переделка должна была

Тысячлн двадцатитонный тормовой вагон сборного цеха Днепропетровского комбината

протяжение тока. Начальник цеха позволил к помощнику управляющего, поставив последнего в известность о случившемся.

Помощник управляющего заводом обещал принять меры. Это был честный, преданный коммунист, днем и ночью сидевший в кабинете, но не было у него технических знаний. Он не знал, что такое «упал вольтаж», и решил, что вольтаж это какой-нибудь тяжелый прибор. Он повозил в цех обидных работ, и через 1/2 часа, если и не меньше, в рельсобалочный цех пришло несколько десятков рабочих с лопатками, ломками и кирками поднимать «той самый, идяты його мухи, вольтаж».

Им конечно объяснили, что это — дело элекроинтерверов и электростанции.

Но такие курьезные промахи не могли отразиться на росте комбината. Запылала сначала одна печь, потом вторая, за ней третья, четвертая...

Уже в 1927 году, благодаря различным мероприятиям, грань выработки 1913 года осталась далеко позади.

«Дашь культуру!» — вот какой лозунг вместе с напряжен-

ной борьбой за восстановление производства выкинули держинцы.

«Зырять урка ширму ай майдашника, Зец, шпыряеть фраер в тиши полуноч но!»

Вынул блумберг, заразил бананчиком, Гаркуд по-блатному: «Зец, ни с места, стой!»

Читыми не сдерефил и не-растерялся, Он машинку в рукева нажал. В рожу урке улетет бананчик — Урка поканулся и упал».

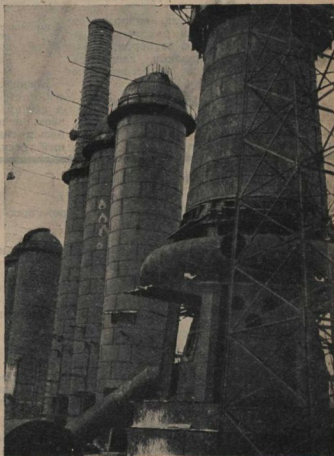
Такие песни раньше, в 1925 году, певались на заводе. Это так называемая «блатная», босаяцкая песня, которая рассказывает о том, как «урка» — вор на вокзале высматривает «ширму» — карман, как он встречает простака, прикалывает ему «руки вверх».

Но оказывается, что у «фраера» в рукева револьвер, которым он пускает в рожу «урке» пулю — бананчик. Такие песни умерли теперь. Как-то незаметно в цехах выросли красивые уголки, которые, как например в доменном цеху, похожи на клубы, в которых есть и шахматы, и шашки, и газеты, и книги, и цветы, и занавесы и кипячая вода.

В ЦЕХАХ

Мы выходим из электрического цеха. Гудение моторов, гирянда проводов, несущих в своих жилах струи токов — все это позади. Опять вперед — в новые цехи, в новые мастерские.

Вот механический цех, встречающий нас мельжающими нитями приводных ремней, белыми линиями свинных чертежей и станками, запускующими в сталь острые клямки, отплевывающиеся спиральными змейками стружек.

НАШЕ КАПИТАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО — строится доменная печь № 4 на Макевском заводе в Донбассе. Эта печь будет крупнейшей в европейской металлургии

Вот вальцовый, нагроможающий вокруг себя вальцы для прокатных станков.

Вот проволочный, оббитый раскаленной проволокой, которая влезает в системы зубчатых колес, вырабатывая хороводами из их трот, прожорливых и крепких, худых и увеличивавших в длину.

Вот скелет электросиловой станции, рассчитанной на 13.200 лошадиных сил, обрастающий цементом, кирпичем и железом. Вот коксовые печи, смотрящие в небо оскалом гранитных фундаментов, опоясанные лесами строек. Вот стройнейшая химический завод, железнодорожная ветка.

Днем и ночью строят, днем и ночью расширяется гигант.

„АМЕРИКАНКА“

Мы стоим на верхушке доменной печи, у самых колосников. Шапка вечера медленно подвигается на завод и он загораются морщи света. В нос бьет доменный газом и сыростью. С Днепра холод адский. Над нами ежeminутно пронесется вагонетка механического подъемника системы «Коннеди», груженная буфшесками из руды, кокса и особого камня. Печь в это время тяжело дышит, рычит, плачет, изрыгая время хороводы огненных звездочек. Ее железобетонный рот смеется огненными зевами, и она жадно проглатывает одну вагонетку за другой. Эта доменная печь не похожа на остальные. Это — «американка», построенная по американскому образцу советскими инженерами из наших материалов. Она — эта машина, механизированная до предела, облегчающая непосильный труд доменщика — вырабатывает 410—420 тонн чугуна в сутки и экономит до 1.400 рублей (3 р. 50 к. с. тонны) в течение 24 часов, свыше полмиллиона в год.

Отсюда, с этой головокружительной вышины, город кажется игрушечной завод — муравейником.

Земля трясется от гула, солдогонаются и колосники. Миллионы ридальных звуков, начиная от вздохов кауперов и кончая ерзаньем пильников, сливаются в одну многоголосую индустриальную симфонию.

ЧУГУН ИДЕТ

— Печь готова! — несетя окрик в щель, удравшая в потолок, стены и замирая далеко на доменном поле.

ПОД ЖОГ

(Переход со страниц 7)

Димка стоял бледный, с коробком в дрожащих руках.

— Чиркай, говорю!

Опять недвигая Димка.

Рустам не выдержал и, потеряв терпение, крикнул в отчаянии: — Чиркай!.. Ил!.. — Увесистый кулак мелькнул в воздухе.

Димка циркнул, синеватый огонек мелькнул и тотчас погас. — Стерва!

Рустам и Алексей отошли в сторону, видимо готовясь на случай бегства.

— Еще давай!

Димка опять циркнул: дрожащий огонек осветил сырую раму. В слабом отблеске мелькнуло несколько фигур. Через минуту рослые парни крепко держали дрожащих «террористов».

Димка стоял рядом с вкрадчивым парнем в кожаные и хляк рассматривая коробок: — Что же теперь будет мне? Я же не причем. Ей богу не причем.

— А вот разберут! — сказал кто-то, и их повели в клуб. — Первым опрашивали Рустама. Он сказал: — Против революции ятти настроен... вот увлек кто-то... и указал на Димку.

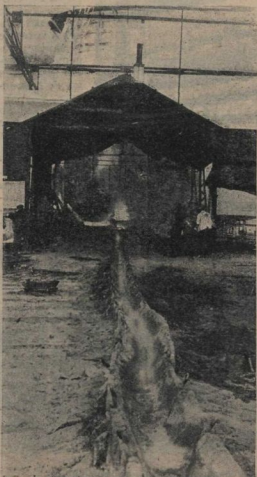
У того исканилось лицо, глаза налились кровью. Он подбежал в упор к Рустаму и раскатило хлестнул ладонью по

Доменщики суетятся. Бурчики — их человек шесть — поднимают огромный бур и направляют его в подножие доменной печи к отверстию, замаскированному огнеупорной глиной. Это легка, се пробивают буром.

«Раз, два, три, девки идут».

Раз, два — шось ва несут».

Раз, два — жажали.

Доменная печь и доменное поле — момент выпуска расплавленного чугуна

Раз, два — дружно.

Этo нуж-но»

Когда слышится такая команда, легче работается. И поэтому бур гулко ударяет в стенку летки и она постепенно оживает: начинает светиться ослепительно-белым синином, а потом издает отчаянный треск, отливаясь белыми звездоч-

ками расплавленного чугуна, пока он бурным потоком не вырвется и не устремится по канавкам на доменное поле.

Доменное поле — это песок, в котором грядками выделены формочки чашек. В эти формочки наливается чугун, потрескивающий, как поджаренное сало. В $\frac{1}{4}$ часа до 100 тонн его разливается по полю.

Ночью, вот сейчас, когда в темноте только лишь завод полыхает вишневым маревом пожара, — ночью доменный двор светит тысячу солнц. Доменщики щедро его поливают «синишкой» до тех пор, пока они не превратятся в море холодного чугуна. Тогда раздается команда: «Дашь!».

Грузчики подхватывают двухпудовые ситки черного золота и нагружают ими платформы вагонов. Оставшийся расплавленный чугун по особому каналу направляется в ковши. Эти ковши могут свободно вместить 15—20 человек; они весят до 50 тонн жидкого чугуна. Подъезжает кран, подхватывает ковш на свой хобот и отвозит его на вагонетку. Паровоз дает гудок и укатывает. Он везет горячий чугун в мартеновский и бессемеровский цехи, которые через каких-нибудь пять-шесть часов превращают чугун в перворостную сталь.

В это время у подножья «американки», у гор красно-бурой руды, черного камня копошатся люди.

Эта каталь — вот чей труд требует сноровки и силы. Только чрезмерно мускулистые люди носят это почетное имя.

Каталь ловко работают лопатками, мелькающими как крылья ветреных мельниц в воздухе, и их тачки, сковавшие исключительно из железа, напоминают пиццей для домын.

В машинном зале, сосредоточено сматриваясь в различных форм циферблаты, сидит человек. Он нажимает на рычажок рода рычаги, и вагонетки под «синика» то срываются с места стремительно с вылетом, то останавливаются внезапно, как выключены.

В воздухоподных залах то зажигаются, то потухают сигнальные огни.

★

На рассвете мы, уставшие и измученные, были вытолкнуты за ворота завода той же упругой массой мускулистых тел, что и втокнула нас туда.

— Так вот как чугун делается! — соваляло у моего товарища.

Я ответил молча.

его щеке, закричал, временами взвизгивая: — Врет, он, товарищи, врет! Ей богу врет! Говоришь, если не пойду, все одно убьют! — И раздался смех.

Кто-то небрежно махнул рукой: — Барчуки...

Многие, смотрившие на них с оттенком неприязни, заводновались: — Чего там... Отправить куда следует... — И эхом отозвались: — Следует.

Димка передернулся со стоном и обвел всех умоляющими взглядом: — Я же, товарищи, не виноват... Они все... — И, встретясь глазами с багровым Алексеем, густо плюнул ему в лицо. Тот закусил губу, и с плеском около виска, переминался с ноги на ногу.

Потом под иронические взгляды их повели... Димка, глядя за них чьей-то толстовки, молил: — Я же не виноват... Ей богу не виноват.

Толстовка отрывала цепкую руку и говорила размеренно холодно: — Все в порядке разберут... Кому что...

Димка на этом не успокоился: — А не... расстреляют? Толстовка резко вскинулась: — Что?

— Расстреляют?..

Толстовка поглядела на него изумленно: — Порох на тебя тратить?... и захлебываясь табачным дымом: — Он на другое дело понадобится.

Подходили к большому серому дому.

НА ПОВОДУ У БУРЖУАЗИИ

Очерк ВЛ. РУБИНА

ДВА ЗАЯВЛЕНИЯ

«ОПЫТ убедил меня в том, что социалистический союз молодежи не является боем представителем рабочей молодежи. Он превратился в оружие в руках реакционеров и предателей».

Эту фразу написал не коммунист, не комсомолец, не красный фронтвик. Эта фраза — отрывок из заявления о выходе из американского соц. союза молодежи, заявления, поданного молодым с.д. Гарри Гофманом.

«Политика нашей партии и союза молодежи глубоко не правильная и имеет своей целью поражение пролетариата. Наше руководство стремится к коалиции с буржуазией. Наши вожди предали рабочих».

И эта декларация опять-таки написана не коммунистами, а членами левой группы соц. союза молодежи Австрии.

Такие заявления молодых с.д. нельзя обойти молчанием.

СИМ ЗА РАБОТОЙ

Достаточно бросить беглый взгляд на деятельность Соц. интернационала молодежи и его отдельных секций, чтобы убедиться в том, что СИМ окончательно поврал со всеми революционными традициями. Быстрыми шагами СИМ переходит на сторону буржуазии. Об этом переходе достаточно ярко свидетельствуют нотки восхваления буржуазного юношеского движения, которые звучат в следующем заявлении лидера СРМ Австрии Вестфала:

«Прежде, перед войной оба юношеских движения — буржуазное и социалистическое — стояли друг против друга. Теперь у них установились известные взаимоотношения. Часто говорят, что соц. юношеское движение много переняло от «перелетных птиц» (буржуазная юношеская организация — В. Р.) как в одежде, так и в строе жизни. С другой стороны, буржуазная молодежь сильно пропиталась духом соц. рабочего движения».

В других документах еще более ясно выражена эта симпатия соц. лидеров к буржуазии, которая со своей стороны также в долгу не остается и в свою очередь осыпает похвалами молодых с.д. предателей. Но красноречивее программных заявлений говорят факты из практической деятельности симовских организаций.

МОЛОДЫЕ С.Д. В КОРОЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ

Как это ни удивительно, но это факт. Молодые с.д. стараются во что бы то ни стало заслужить доверие «высочайших покровителей». Так например одна детская спортивная организация под давлением возглавляющих ее молодых

с.д. провозгласила своим почетным членом датского принца. Очевидно в благодарность за это датский король предоставил в распоряжение с.д. союза молодежи помещение своего дворца на острове Юне. В этом дворце и была созвана конференция представителей соц. союзов молодежи в июне 1927 года. К такому рода фактам комментариев не требуется.

„УЧИТЕСЬ СТЕНОГРАФИИ“

Одновременно молодые с.д. лидеры на все лады восхваляют существующий

Школа „социальных форм“ в Бруклине (Нью-Йорк). Здесь буржуазное юношество обучается „искусству поведения в обществе“. Для молодого человека существует только единственный правильный способ предложить стул ляди“ — говорится в одном из параграфов учебной программы этого странного „вуза“.

Наши снимки изображают момент классных занятий

строй в Европе. Газета германского соц. союза молодежи «Ингсоциалистиче Блэттер» (листок молодых социалистов) пишет в одной из своих статей: «Мы уже в разгаре социалистического строительства (это в Германии-то?! — В. Р.). Для того, чтобы участвовать в этом строительстве, необходимо пополнить наше школьное образование. Надо практиковаться в родном языке и письме, и надо учиться стенографии. С чтением книг по теории социализма следует подождать. Каково будет общество в дальнейшем — никому не известно. Фантазировать же на эту тему мало целесообразно».

Таким образом эта статья ясно намечает пути «деятельности» молодых социалистов. Социализм в Германии уже строится. Поэтому надо вооружиться — вечным пером, напильник роговые очки и «не мудрствуя лукаво» заняться изучением стенографии.

Но следует однако думать, что молодые с.д. ограничиваются только таким безобидным занятием, как изучение стенографии. Тогда их движение не представляло бы никакой опасности для КП и КСМ. Вся беда в том, что с.д. юношеская организация старается воз-

действовать на своих членов в определенном направлении, воспитать из них защитников буржуазии и возбудить в них ненависть ко всему революционному. Разве не является опасным тот злобный выпад против китайской революции, который содержится в следующем заявлении органа английской гильдии молодежи при Рабочей партии «Пламя»: «Кантовское восстание — это бунт черни, вызванный антибританскими настроениями и заранее подстрекаемый Москвой». Такого рода выпады определено на-руку английским империалистам.

КРИВАЯ РАЗЛОЖЕНИЯ

Вечера, экскурсии, танцы, театральные постановки, фальшивые шествия, кино-сеансы, театры марионеток, спортивные занятия, литературные кружки... и все. Таковы методы работы молодых социалистов. Ни помин об антиимпериалистской борьбе, ни намека на требования молодых рабочих. И вполне естественно, это обстоятельство отталкивает от СИМ'а широкие массы молодых рабочих.

В большинстве секций СИМ'а за последние годы выросло довольно сильное левое крыло. В Австрии левая оппозиция, объединявшая значительное число членов венской организации соцрабмола, вышла из организации, образовала независимый союз и некоторое время спустя приключила к комсомолу. После польского восстания в СРМ Австрии возникла новая оппозиция. В Англии весьма значительная часть членов гильдии молодежи при Рабочей партии, в частности Шотландский округ, откололся от своей организации и на съезде КСМ Англии в марте сего года заявила о своей готовности приключиться к комсомолу.

С этим оппозиционным движением руководители СИМ'а борются всеми средствами. Сотни членов исключаются из соц. союзов молодежи по самому неизвестному поводу. Так например берлинская организация СРМ исключила 6 своих членов за то, что во время всегерманского съезда Союза красных фронтовиков они носили значок «Юнгштурма». В Штутгарте за «девые взгляды» смещено все бюро местной организации. В Кельне и Бреславе аннулированы выборы в бюро, на которых большинство было обеспечено левым. Подобные же случаи произошли в Шарлоттенбурге, Гамбурге и других городах.

Последний период времени характеризуется обострением борьбы за молодежь. В этой борьбе лицом к лицу столкнулись 2 противоположных лагера — СИМ и КИМ. Исход этой борьбы можно предугадать уже теперь: у молодых предателей будущего нет.

ХАМЕЛЕОНЫ

В ТРОПИЧЕСКИХ лесах под благодатным южным солнцем водится животное из породы ящериц, обладающее способностью менять свою окраску в зависимости от цвета окружающих предметов. Называется оно хамелеоном. Рязновидность этой породы встречается и в нашем союзе. Любители-натуралисты могут встретить экземпляры этого семейства и на производстве, и в стенах школы, и в коридорах вуза.

Окраска наших отечественных хамелеонов принимает самые различные формы: рубаха-косоворотка, скрывающая поповский подрясник, изящная юнгуштурмовка с крагами кофейного цвета и белоснежных воротничком, волею обстоятельств заменившая форму классической мужской гимназии или института благородных девиц; роговые очки и портфель крокодиловой кожи, как боевые доспехи их обладателя, протирающего шевиотным задом теплеее местечко, наворуженное усилиями бабушки-спеца по устройству семейных отношений в учреждениях... И множество других «защитных окрасок» скрывают хамелеоны — классового врага нашей республики.

Их много. Они не стесняются ни мерам, ни средствами в достижении собственного благополучия.

В школе они стремятся, пользуясь разнородным социальным составом школьных комсомольских ячеек, пролезть в комсомол, расценивая эту организацию как путь наименьшего сопротивления в достижении личных целей. В то время как комсомольские экзправкомиссии ломают копы в борьбе за квалификацию молодежи, до хрипоты спорят с хозяйственными органами, стараясь провести полностью количество брони подростков, указанные в коллективных договорах, где-то там, в тиши спецовских кабинетов, творится другая работа. Непостижимыми путями, манипуляциями с таинственными записочками обходятся и биржа труда, и камера инспектора труда, и, как гриб после дождя, в производстве вырастает новая личность.

Сначала она незаметна. Возит пакеты, греет кубы, а в кабинетах продолжает порхать записочкой, и личность переподлетается на другую работу, дающую высокую квалификацию. Комсомол с ужасом видит, что вместо своих ребят в производстве специализируется чуждый элемент, но все натиски безуспешны: снить парня с работы нельзя — «он» стал членом профсоюза и «незаменимым» работником. «Их» же посылают на курсы по повышению квалификации потому, что их грамотность выше уровня знаний рабочего подростка и потому, что записочки все еще летают.

В Иваново-Вознесенской губернии южская мануфактура посылает на курсы по подготовке среднего и низшего технического персонала несколько человек, и из этого числа оказались: сын заведующего ткацкой фабрикой и сын касира, а в прошлом компаньона фабриканта. Может быть меня упрекнут в спекудестве, в непонимании взаимоотношений пролетариата с трудовой интеллигенцией — одним

из камней преткновения нашей действительности.

Доказательство правильности своего взгляда приведу еще один пример из южской действительности: сын прядильного мастера, в свое время именьши судимостью по обвинению в контрреволюционных действиях — бросании бомб в здании рабочего клуба и райкома комсомола, известный южской комсомольской организации как мажорский образчик чуждого элемента (выражаясь мягко), несмотря на неоднократные постановления экзправовой комиссии комсомола о снятии его с работы, все же продолжает работать на производстве в качестве поверяльщика банковских машин.

Сила «пронзодственных отношений» мастера с заведующим оказалась выше комсомольского влияния.

Окраска наших хамелеонов принимает самые различные формы

В погоне за маленькой книжкой-матрикулом (студенческим удостоверениеем) их изобретательность, т. е. все тех же хамелеонов, доходит до виртуозности.

Сын торговца или попа во что бы то ни стало хочет иметь «рабоче-крестьянское» происхождение, дающее, как он думает, верную гарантию поступления в вуз. Чтобы достичь этого, он уходит от отца, встает на иждивение к «бедному родственнику-крестьянину», способному соответствующей мздой из толстого отцовского кошелька.

Обделав делами с происхожденияем, он тащит в канцелярию вуза удостоверение за семью печатями в том, что он иждивенец бедняка-крестьянина. Этого мало. Допущенный к испытаниям, он и на экзамены идет, записшись той же подложкой, имеющейся у него в изыскан. С утра до вечера он торчит в аудиториях, выискивает, выспрашивает, собирает сведения об индивидуальных склонностях преподавателей. Записавшись такими справками, он идет к обществуведущему, напавши юнгуштурмовку, часто взявную напрокат, и лихо сдвинул на затылок кепку, копируя комсомольца. Узнав, что литературу сдают какому-нибудь старику времен Садовника, его хамелеонизм подсказывает ему костюм с розой в петлице.

Я сам видел сцену в Ленинградском университете, достаточно характеризующую актерские способности таких индивидуумов.

Дело было на испытании по физике. Усталый экзаминатор молча слушал трагические приключения из области «плавления» («сплавнение» на студенческом жаргоне называется поверхностная болтовня по вопросу). Еще мновление и выведенный из терпения экзаминатор был готов прогнать явно шарлатанского аспиранта, но тут последовал возглас парня: «Я волнуюсь... я больше не могу говорить!» И рука профессора дерзаяно протянулась к экзаменационной карточке. «Сжальтесь! — зова момент, воскликнул парень, при этом он молитвенно сложил руки. Увиден на карточке «суд», он с чувством прошептал: «О, благодарю, благодарю вас!».

Те же, кому не повезло, забирая в канцелярию документы, виснут на окнах, где выдаются разные справки, требуя кучу удивительных, умузаключающих причину их неуспешной попытки. Они явятся с ними на будущий год, увеличив знания, с еще большей настойчивостью они будут добиваться приема.

Способность наших хамелеонов менять кожу сказывается не только в умении изменять свою наружность. Их «диалектика» подшеивает им язык, в нужный момент почти безошибочно подкасывающая нужную точку зрения, и только в интимном кругу близких, они ужасаются мужиковой грубости «коммунистов и рабфаков».

Борьба с препятствиями вырабатывает в них энергию и настойчивость — качества, которых подчас нехватает нашей молодежи. Этими качествами мы должны обладать, ибо познать врага значит победить его.

А. Тютин (Ленинград)

ЛЮДИ

„М и ж о в о“

ПРАВА

КОГДА листья кружатся в воздухе и постепенно надвигаются осенние сумерки, вы, проходя по изрытым переулкам заставы, можете увидеть: на крыльце, а чаще на лавочке около дома, сидят «молодые люди» в модных ботинках с длинными мысами, в синих или серых костюмах и в кепках с широким козырьком. Тут же и «барышни» в коротеньких юбочках, с черными платочками на головах.

Сидят и под стоны гитары поют: «Дорогой дьяволю, погодой лупово»...

или же:
Ямщик песню затнет умлю,
Ветер булет ему попеть...

Молодой басок начинает, женские звонкие голоса подхватывают...

Иной вечер поют, пока кто-нибудь из окна не крикнет:

— Долго вы будете скулить? Ошалели!

Компания послушно замолкает и парами разбредается по домам.

Эта молодежь живет особняком — себе не мешает и людям пользы мало приносит.

Но кто-то их метко окрестил таинственным прозвищем «тихоня».

— О, эти сны вам, ни нам, ни рыба, ни мясо! — скажет житей заставы о таких ребятах.

Темно-синие костюмы прикрывают грязное белье, коричневые ботинки — спорешные носки.

Для «тихоня» нижнее белье не важно, ему нужна показная сторона.

Нужно показать себя «интеллигентом», особенно с «барышнями».

От безделья «интеллигент» выходит на крыльцо и беззаботно перебирает струны гитары, мурлыча под нос «Кирпичики», пока не подойдет девчата из соседних домов.

С ними «тихоня» вежлив, с его уст срываются иностранные слова: «пардон», «мерси» и т. п.

Главное — он не задумывается над любым вопросом, заданным «барышней», хотя отвечает иногда и «на-авось», но потерять популярность, авторитет в глазах женского пола он не позволит.

Этот человек «воды не замутит», пьяным вы его не увидите.

Разве в гостях, на именинах, у «барышни», он выплет рюмку «слабешкотю».

— Как только люди водку пьют? — произнесет он в сторону мамыши, как бы говоря: «Гляди, мать, какой у твоей дочки ухагор!»

«Барышня» тоже не теряет своего достоинства в глазах окружающих и лишь прикладывает рюмку к губам.

Осенние дожди, зимние холода загоняют «тихих людей» в комнату.

Собираются по две-три парочки, но обязательно на глазах бабушки и матушки. В тесном кругу «хорошо знакомых», «сухаживают», говорят любезности.

Гитара, мандолина выручают их в те вечера. Побренчат «Буденного», «Коробочку» и под звуки вальса «Поглобшие мечты» покрутятся по комнате.

«Тихий знакомый» не забудет принести с собой: ирисок, леденцов, орехов, а иной и фруктов — «по копейке штука».

Между вальсом и щелканьем орехов поют, вернее «стонут» и плачут о чем-то потерянном:

— Обидно, досадно, до слез мученья...

До мученья наплакавшись вдоволь, внезапно струны гитары, как бы сами, переходят в бурные звуки «Цыганочки».

Раньше были юбки до колен,
А теперь — выше колен.

Гитара, мандолина выручают их в те вечера

Если дальше так пойдет,
До чего ж народ дойдет.
Кабы не было б муки,
Не было б печенки,
Кабы не было любви,
Не было б мученья.

Притопытая, подхватывают эту залихватскую песню. И с нею же расходятся по домам.

Доброе родители укладываются спать.

★

Зиму «тихоня» с трудом переваривают. Но лето для них — открытие «любовного сезона».

Каждую свободную минуту они используют на даче, в ельнике Сокольников или в тени Петровского парка.

Прежде всего «тихоня» не бросается на «эриших» девиц. Он признает «независимую», «настоящую» любовь.

Но любить долго он не может. Насытившись с одной «барышней», он идет и находит другую, — первая не протестует, так как ей и самой уже хочется новой, свежей «любви»:

Три да два — так будет
пять
Гуляю с новенькой
опять!

— Один хлеб и тот приедется! — говорит «тихоня». Алиментами последний они не признают: солились по любви, добровольно, а разошлись — друг друга не знаем.

— Алиментами и все такое прочее — пацкают чистоту любви! — рассуждают они.

Вот почему «молодые люди» так любят лето и «стонут» от тоски в зимние вечера.

«Тихоня» — обыватель-мещанин особого уклада

Здесь обитает „тихоны“

«Тихоны» — обыватели-мещане особого уклада.

«Старость придет — веселье на ум не пойдет», — думают они и молодую силу вкладывают в «ухаживания» за «барышнями» и главным образом в любовь.

Все остальное проходит для них стороной.

Комсомол они считают «канительной» организацией, которая для них «обуза».

Общественная работа для них «вопликан». На общих собраниях предприятия они отбывают свою обязанность, голосят за большинство — лишь бы скорее удрать.

В производственной жизни они избегают всякой «канители», подкашиваясь под начальство.

Разве у вас на предприятии их нет?

Спокойная жизнь для них дороже всего, потому они вне всякой политики. Газет не читают, разве кой-когда заглядывают в провинствия, да в объявления.

Но с удовольствием читают Золенко и других писателей «Веселой библиотеки», а также «Пушки».

— Любопытно прохватаются! — смеется «тихан» компания, читая последний номер «Пушки».

— Видишь, шагу не сделай, как чужой — в этом комсомоле сейчас и протухнут! — фукает, пожимая плечами, «барышня» Дина.

И «стонет» гитара, под слезы молодых, не знающих куда девать свои «молодые слезы»:

— Все светено могучи ураганом,
И вам с тобой оставлю колючку,
Улей, мой друг, с тобой к цыганам,
Там не умеют говорить.

Там бува зван, гитары стоны,
Им веси волы, волы и посылы,
И там в кибитке забудешь вытень
Далеких призрачных страстей...

— слышится осенней порой из мрака переулков заставы.

И хочется крикнуть им ответ:
— Чудак! Цыгане-то теперь в клуб перекочевали, забросив свои кибиточки! Не верите, так читайте у Спасской заставы выписку, белым по зеленому написано: «Цыганский клуб Лолы Чаргены. А вы теперь цыгане-то!

Андрей Вольский

ЯТЬ ДЕЛОВ

«Стихотворчество», «Попробуй и ты», «Игры молодежи», «Шахматы», «Шашки» — наши постоянные отделы, привлекающие к себе в течение прошлого года внимание миллионов читателей. По всем ним проявлена читателями большая активность.

Продолжая ведение этих отделов и в новом году, редакция вносит следующие изменения в их чередовании. Вместо равномерной подачи их на номера в номер, каждый из отделов будет печататься теперь более полным виде **ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ**. Примерная последовательность намечена такой: «Стихотворчество», «Шахматы», «Игры молодежи» — будут помещаться в **КАЖДОМ НЕЧЕТНОМ НОМЕРЕ «Смены»; «Попробуй и ты», «Шашки» — В КАЖДОМ ЧЕТНОМ НОМЕРЕ**. В остальных номерах будут помещаться только срочные информации.

С нового года по каждому отделу объявляется ряд конкурсов. Товарищи читатели, вносите свои предложения!

СТИХОТВОРЧЕСТВО

Под редакцией В. ПЯСТА

В НОВОМ году мы надеемся сохранить связь со всеми заинтересовавшимися нашим отделом читателями и привлечь к жизни самостоятельности новые кадры молодых стихотворцев.

Все старые «подотделы» сохраняются, работа по оценке прошлых лет конкурсов не прерывается; наша игра «Стихотвора» и наше серьезное «Введение в стихотворение», а также «Попросника с читателями» будут иметь продолжение в ближайших №№, и в следующем же № нами объявляется ряд новых конкурсов, «спроскорочных» и годовых.

Но прежде всего — о конкурсе 1928 года. И наш первый конкурс «самодельности» был успешно закончен, и в № 24 «Смены» объявлены его результаты, однако лишь в предварительном, неофициальном виде. В течение 1928 г. продолжения которого могут быть получены от читателей указания на неоригинальность значительного числа рифм у кого-нибудь из авторов, — состоянием следствием чего может явиться перегруппировка рифмов.

Привык по поводу конкурса буриме распределять, как известно, в тесной связи с боллетнями

первого конкурса судей. Срок которого продлен до 20 января. Новые подпечники, желающие участвовать в нем, благоволят просмотреть №№ 19, 20 и 21 «Смены» за прошлый год, где помещены конкурсирующие «буриме» и изложены условия конкурса судей.

Независимо от этого, из материала первого конкурса «самодельности» мы и № 24 можем выбрать классические («спроскорочные») рифмы для объявления в том №

второго конкурса Буриме.

Кроме того, в 1 января нами закончен прием «самодельности» для конкурсов палиндромов и палиндромов и выделены слова для примера (по примеру — П. Зыков и по второму — А. Курьяев). Размер рифм, получаемых ими, вариант от сравнения их весами со вновь поступающими, еще не рассмотрены.

Для нового же года нами объявлено:

ТРЕТИЙ КОНКУРС БУРИМЕ

К следующим рифмам (концам стихов), прилагаемым различным участникам конкурса «самодельности» в этом году, предлагаем подобрать начало так, чтобы получилось стихотворение в 15 стихов, являющее смысла, объединенное мыслью, но возможности поэтической и ритмом.

К присуждению рифмов по этому конкурсу будут привлечены победители конкурса судей.

- скучающая
- плачет
- слеза стон
- плачет
- грозы
- найди того
- козыря
- надутого
- тельца
- механики
- рыцаря
- пахалыха как!
- укрывает

Как видит читатель, на этот раз нами выбраны рифмы не простые, а сложные, или «квартеты» — более отвечающие современной стилистике поэзии.

В течение двух месяцев со дня выхода этого № (для Сибири и Оренбурга Азия срок увеличивается на 1/2 месяца) все читатели могут послать рифмы по адресу редакции «Смены» с надписью: «На третий конкурс буриме». Стихи должны быть без подлинки, но под денюжкой такой же денга должна быть, наложенная на а/с ч/а т/и о конвертке, вложенной в конвертик, и внутри конвертика — фамилия и адрес конкурента.

Авторам лучших буриме будут выданы премии от 15 (первая премия) до 3 (последняя) рублей, в зависимости от достоинства конкурсивших произведений (но не менее 3 и не более 10). Мотивация также присужденных почтовых отсылок. Конверты авторов, не получивших почтовых, уничтожаются неискрывается.

ПЕРВЫЙ КОНКУРС АРСТИХИВ

Читателям предлагается написать «в стиле какого-нибудь поэта» стихотворение таким образом, чтобы, амекая подрад периле буван стихов, можно было бы прочесть имя и фамилию, или инициалы, или фамилию, или одну фамилию этого имени поэта.

Примеры таких арстихов будут печататься в следующих №№. Все условия и указания на исчерпывающий срок, то же, что и предыдущего (третьего конкурса буриме). Срок начисляется на один месяц больше (3 и 1/2 месяца). Надпись: «На первый конкурс арстихов».

ГODOVЫЙ КОНКУРС РИФМ

Читатели приглашаются присылать звучные и оригинальные рифмы в течение целого года. За подлинками или под девизом — безымянно. Премии будут выдаваться отдельно за каждое полугодие, по проставленному контрольному месяцу после начисления рифм в нашем отделе.

ГODOVЫЙ КОНКУРС ПАНТОРИФМЫ

По прошлым отделам читатель повспоминает с этим трудным видом «стихотворчества» (см. также № 10). Желательно могут присылать панторифмы в течение года по проставленным полугодиям лучше носители будут награждаться премиями.

ГODOVЫЙ КОНКУРС ПАЛИНДРОМОНОВ

Все, относящееся к предыдущему конкурсу, имеет силу и для палиндромов. Пусть бы они были не так «звучными», как тот «д. б. и. в. к. с. и. (поэт) Велимира Хлебникова» — тогда, по головам свежи, боль мене май, асын, зарба. В течение года будут объявлены также конкурсы на отдельные формы поэмы, конкурсы книг и т. и. и другие.

К ПЕРВОМУ КОНКУРСУ СУДЕЙ.

Редактор отдела считает уместным опубликовать присланные им самому себе «боллетеньки». Вот он:
1-№; 2-III; 3-XVI; 4-III; 5-11; 6-0-11
7-XII; 8-XVII; 9-11; 10-11; 11-11; 12-11
13-IX; 14-XV; 15-11; 16-11; 17-11; 18-11.
«Список № 2» (дальше читатели не воспроизводят!) пока не представляется. Мотивировка — после.

Под редакцией С. ГЛАЗЕРА

О НАШИХ КОНКУРСАХ

1. Конкурсы по нашему отделу будут проводиться каждые 4 месяца. Первый конкурс объявляется на срок январь-апрель 1934 г.
2. Участие в конкурсе могут принять все читатели.
3. За каждую решенную задачу, парадокс, головоломку и т. п. ставится определенное количество очков.
4. За каждую помеченную задачу, составленную читателем, участником конкурса, в зависимости от сложности, дается определенное количество очков.
5. Срок прислания решений по помеченным задачам ограничивается одним месяцем со дня выхода журнала и поступления его на место.
6. Победителям, набравшим за время конкурса наибольшее количество очков, будут даны пять премий, в зависимости от занятых мест.

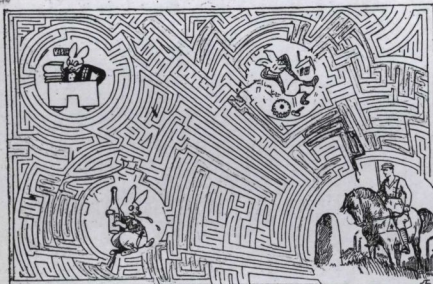
Кроме того, для неподготовленных читателей выделяется особая премия.

7. В каждом отделе журнала для неподготовленных читателей будет даваться по несколько задач.
8. Неподготовленные читатели должны решать только указанные задачи. На каждом письме такие читатели должны написать «на премия неподготовленным читателям».
9. Остальные читатели должны решать все задачи, как для неподготовленных, так и остальных.
10. Список предметов и книг, входящих в премию, будет опубликован в ближайших номерах журнала. До утверждения списка, предлагаемым читателям приводить свои предложения, что они желали бы в премию.
11. На конвертах и открытых письмах при посылке корреспонденции надо писать «на конкурс отдела задач».

О чем говорит эта спираль?

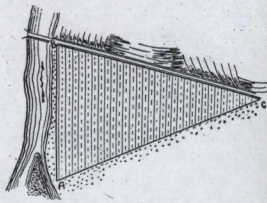
№ 1. ЛАБИРИНТ (3 очка)

Боевое задание: убить трех зайцев, пробраться к ним по коридорам лабиринта.

№ 3. ЗАДАЧА (1 очко)

Три брата вассалы каргофомем треугольной участок земли ABC (см. чертёж). Перел оброром урорал братья поспорили и рещили разделить землю на три равные части. Но когда они попытались это сделать, то у них ничего не вышло; каждый раз при разделе кто-нибудь из братьев оставался вдовоном, пидолом, что его участок меньше других... На помощь явился учитель, который разделил землю братьев на три равные по площади части геометрическим способом, при чем границам между отдельными частями

лю его решению шли также, как гряды, т. е. параллельно АВ.

Читатель, найди каким геометрическим построением учитель разделил задачу (3 очков).

Л. Шохор (Москва)

№ 4. ЗАДАЧА (2 очка)

При каких условиях вода прогревается быстрее при нагревании сверху, чем снизу?

ИГРЫ МОЛОДЕЖИ

Под редакцией Л. Л. БАРХАША

СЕКРЕТЫ ЛОВКОСТИ

НА СЦЕНЕ стоял небольшой дубовый столик.

На столе — цветочный горшок. На цветочном горшке — подвески. На подвесках — человек и весело жонглировал тремя апельсинами.

Публика бешено аплодировала искусному жонглеру. Я тоже не мог не восхищаться им, хотя и знал, что вередля подобие трюки объясняется каким-нибудь искусным приспособлением.

— Как ты думаешь, в чем тут дело, — спросил я при выходе своего приятеля. Он постоянно водил внаглую с вестриальными, как я любил поражать нас в товарищеском кругу неожиданными и ловкими трюками, поэтому все мы считали его внаглую в таких делах и всегда обращались на развлечения.

Он усмехнулся. — Нишь ты, какой приятный. Что ж я тебе по стенке пальцем рисовать буду? Здесь, брат, не только сложная, а востанок механика.

Пришлось подтянуть лезвиево любознательства не пришил домом. Там он вынул из кармана листок бумаги и привнес что-то вычерчивать.

— Теперь смотри, — это — медный подвесок, и вверху. Ножка стула на согнута по толщине она должна конечно точненько подходить и уступленню. Вот канал в нижней части колодечки, куда вставляются медные железный стержень. «Цветочный горшок» сделан из металла. В его отверстие входит резиновый колу, основание которого очень плотно прилегает к деревянной крышке стола. В донышко втулки нижней концы железного стержня, прочно соединяющего подвески с основой этой, в конце конков, не очень надежной вышки, по кошачьи

покаравать на нос, устоять на стул с вилочками, идущего на отчаянный риск, и с безработной улыбочкой проделывать всякие конгрекские трюки: «каскад» апельсинно, балансирующие друг или трех наверх пологонных дощечек на тонкой палочке или карандаше и т. п. Все это конечно требует немалой ловкости и тренировки, но не так опасно, как его казались тебе в цирке.

Я был чудоточко разочарован. — Ну, а как же он держал равновесие на пирамиде из стола и четырех стульев? Поминишь — на двух возмаш? Значит...

— Ну да, аначит, — отговаривалось Илья, подсмеиваясь, и снова влился на бумагу. Тебе, разумеется, все время казалось, что парень вот-вот готов плюхнуться с выножки двух метров и, по крайней мере, расквасит себе нос?

— Казалось, — признался я. — Но теперь...

— Теперь не кажется, теперь ты стал ужасно уверен после трюк апельсинно...

Мой энергичный жест несколько «упокоил» Илью, и он продолжал, тыча карандашом в чертёж:

— Отвякуй штуку сделаешь даже ты...

— Это что аначит? — угрожающе произнеслись и я нему. — ... при своей общепризнанной ловкости в технике. Нужно только подобрать металлические прутья, продел те, какие фокусные бран и в первом трюке. Они должны быть такой толщины, чтобы входить в медные или железные трубки, вставленные в выделке ножки трех

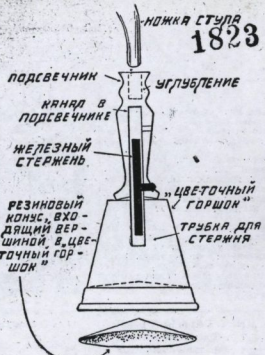
лишки ступень (в верхнем из них тупые ступени выносятся по косой четырех ножами). Вместе с тем все стороны должны двигаться и выдвигаться легким движением руки. Вот тебе и все механизмы. После о такой подготовки на четвертом ступе выдвигаются из-под него, чем было бы на первом, если бы поставить его на пол. По-настоящему у человека голова кружится при взгляде на одну со второго ступа.

— Ладно, ладно, теперь ясно. Выходит, что такой на стороны был и в том подвеснике, на который он опирается одной ногой. Но держась ногами вперед.

— Выходит. Но второй конец обязательно должен быть зажат в трубу, привинченную к руке микроскопа с помощью двух винтовых ремешков. Так, при достаточной силе и выдержке на одном пальце можно держать — не так то на одной руке. Но я с тобой тут разболтался, а работа не ждёт.

— Шестой, шестой, а левосторонние шкурки, которые вдруг на наших глазах полетели на актере с другой частью? Тут железные стержни не помогут.

— В боковой раме, а то останешься.

16. Крб + е81 Ф8 + е6
17. Лб + е81 Ф8 + е7
18. Кб + а8 Ф8 + е8
19. Лб + е7 Ф8 + е7
20. Сб + е81 Ф8 + е7
21. ф4 + е6 Ф8 + е7
21. . . . Лб + е8
22. Сб + а8 Крб + е8
23. Ф8 + е8 ф5 + е4
24. Лб + е7 Сб + е7
25. Кб + е7 Лб + е8
26. Сб + е7 Сб + е6
27. ф4 + е5 Сб + е5
28. Сб + е6 Сб + е7
29. Кб + е8 Крб + е8
31. еб + е7 Кб + е8
32. Сб + е8 Кб + е8

Жалко участь черных коней в этой партии. У белых фигур меньше, однако, фигуры не доиграны как воев доской.

11. . . . Лб + е8
22. Сб + а8 Крб + е8

Теперь следует вновь пожертвовать, являющиеся последним аккордом Черные сдались

НОВЫЙ ШАХМАТНЫЙ ГОД

Минувший шахматный год ознаменован тем, что вызвал ряд крупных молодых сил. Поэтому в чемпионате СССР, который намечен в перспективе будущего года наряду с выдающимся мастером примут участие те из молодых шахматистов, которые показали наилучшие успехи во всесоюзных состязаниях. В будущем же году почти наверняка будет проведен всероссийский четырехлетний перерыва и международный турнир с участием лучших гроссмейстеров. Прогнозируют и чрезвычайно интересней международный турнир молодых мастеров с участием всех молодых мастеров, выдвинувшихся за последние годы.

Начало года, как всегда, открывают чемпионаты Москвы и Ленинграда, которые обещают в этом году быть исключительно интересными.

1928 год был годом смуты. Молодые же люди годам своим позволяют молодым членившимся показывать свои достоинства в боях с испытанными мастерами.

В чемпионате ВЦСПО с большим успехом играл молодой шахматист Рагозин (пшеница), разделивший 3-й и 4-й призы, впервые участвовал в турнире. Игра Рагозина отличалась оригинальностью идеи и всегда очень содержательна. Приводим его партию из чемпионата ВЦСПО, выигранную им в блестящем стиле.

ШАШКИ

Под редакцией В. В. Медкова
2-й конкурс решений задач и этюдов)

Задача № 1 (17) В. И. ШУМИЛИН (от. Выссе...) Печатаются впервые

Этюд № 1 (18) БОРИС БЛИНДЕР (Киев) Печатаются впервые

ШАХМАТЫ

Под редакцией С. М. Слонима

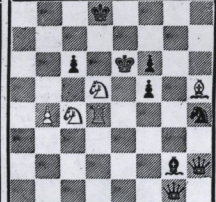
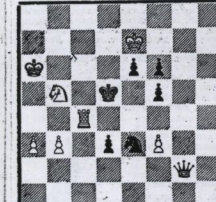
НАШ 1-й КОНКУРС РЕШЕНИЯ

Начиная с этого номера и начиная номером восьмью (январь — февраль — март — апрель), мы проводим 1-й конкурс решений задач. В конкурсе могут принять участие все желающие из читателей «СМЕНА», 10 лет, достигших наилучших результатов, будут премированы раздаточными шахматными книжками. Завет ре-

шений ведется по очкам (двукодовая — 2 очка, трехкодовая — 3 очка и т. д.). Прислать решения можно в течение месяца со дня получения номера «СМЕНА». Контрольной датой является дата почтового штемпеля. Фамилия решивших и положение участника конкурса будут опубликовываться.

Задача № 1
Л. ЗАЛКИНЦ

Задача № 2
А. РОТИНИН

Партия № 1
Неправильное начало

Партия № 1
Неправильное начало

Белые: Рагозин
1. Кб1—ф8 Кб8—f6
2. Сб2—д3 е7—е6
3. Сб2—д3 е7—е6
4. Кб1—с8 Кб8—f7
5. Сб1—е2 Сб8—е7
6. 0—0 0—0
7. Лб1—б3 Кб8—б3
8. е8—с4 Кб7—f5
10. Кб8—е6 Кс7—f6

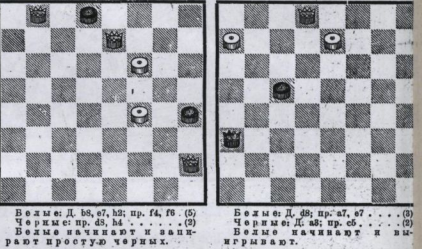
Теперь ход на б5 оказывается стремительным. Это обстоятельство играет решающую роль в дальнейшем ходе партии

Черные: Мудров
11. е4—е5 КК7—с4
12. f5—f4

Очень тонкая ход. Играв просто f5—f6, а затем е2—е4. Белые могли выиграть фигуру, но черные получили за нее 2 пешки в хорошему поощении. Ход же в тексте не дает черным никаких контр-шансов

13. . . . Ф8—е7
14. ф41—е3 ЛК8—с7
15. б4—б4 с7—с6
15. б4: с6 д8: с6

Теперь следует неожиданная жертва

9) Конкурс и условия по нему были объявлены в № 18 «Смена» за прошлый год.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ МАЛОСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

„СМЕНА“

РЕДАКЦИЯ: Москва Центр, Новая площадь, дом 6, телефон 1-51-01.
КОНТОРА: Москва Центр, Б. Черкасский пер., дом 6, телефон 5-61-05.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
„СМЕНА“ без приложения: 1 год—2 р., 6 мес.—1 р., 05 к., 3 мес.—55 к.
„СМЕНА“ с приложением: 1 год—3 р., 6 мес.—1 р., 80 к., 3 мес.—95 к.

ГОДОВЫМ ПОДПИСЧИКАМ БЕСПЛАТНО ПРИОЖИЖЕНЫ:
1. Повесть Николая Богданова «Первая левина» (230 стр. текста).
2. Многокартинная картина (большого формата).

№ 1 Январь 1929 год

Содержание: И. ИПОЛИТ—Анхельте—наше знание. А. КОВАЛЕНКО—Морские стихи (стихотворение). В. ДМИТРИЕВ и Н. БОГДАНОВ—Александр и Александр (поэма). И. КРАШЕВСКИЙ—Полет (рассказ). П. ДОПАНТИН—Леди-максималист (очерк). С. ДИЕПРОВ—ПЕТРОВСКИЙ—Умомлет (очерк). В. ГИНИН—На поезде в буржуазии. П. О БЕСТЕРЕ: А. ТОТИН—Хамелеоны. А. ВОЛЫСКИЙ—Леди иксико права. КНИЖНАЯ ПОЛКА, СТИХОТВОРЧЕСТВО. «ПОЛОВИТЬ И ТЫ». ИГРЫ МОЛОДЕЖИ. ШАХМАТЫ. ШАШКИ.

20 января выходит № 1 журнала-шашки «Игра шашки и шашки» и будет разослан всем почитателям, приславшим денежнопочтовые марки, так как пробно номера выпущены не будут.